

A N N E D A R

КУЛА И
ТРЕАМШТА
СТАВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Anne Dar

Клан Триединства

«Автор»

2026

Dar A.

Клан Триединства / А. Dar — «Автор», 2026

Три части под одной обложкой. Иллюстрированное издание. Аннотация: Дары металлические – территория без ограничений: рамок и правил не существует, а это значит, что сдерживаться нет смысла. Поэтому зацикленность сверхсуществ являет собой спасение – она дарует нерушимый смысл, непреложную цель, открывает суть бытия. Сверходарённость – уникальная ноша, доступная лишь тем, кто способен её вынести. Однако что будет, если избранные окажутся слишком стойкими не только в своём предназначении, но и в своих заблуждениях? Бойтесь узнать. Спешите распространить. Не оборачивайтесь через плечо, чтобы взглянуть в своё отражение и не узнать себя в том, что должно быть привычным. В мире, породившем Металлов, правила пишет тот, кто не сдаётся несмотря ни на что. Металлы – Forever.

© Dar A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	58
Глава 13	66
Глава 14	70
Глава 15	73
Глава 16	85
Глава 17	89
Глава 18	92
Глава 19	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Anne Dag

Клан Триединства

Посвящается N.

“Дворец будет оплотом жизни, но не той её формы, какую знает человечество. Здесь начнётся и не закончится великая династия правителей. Утвердится Истинный Король и будет править нечеловеческой силой, и от Него пойдут великие правители, но прежде освободится Он от Красной Жажды во время горения Красных Лун в Красных Звёздах. И не падёт Его власть до тех пор, пока не падут с металлических плеч бальные одежды”.

ЧАСТЬ 1

КОРОЛЕВА СИНИХ ШИПОВ (КОРОЛЕВА НАСТОЯЩЕГО)

Глава 1

Конец ноября 2158-го года

Багтасар Райхенвальд

Сквозь спадающую чёрную пелену небытия я начинаю различать знакомые голоса. Первый принадлежит Йорун:

– Твоё предложение Тринидад остаться было опасным блефом. Что бы мы делали, если бы она согласилась?

Тофа отвечает:

– Согласна, это было глупо...

Моей кожи касаются прохладные лоскуты влажной ткани...

Голос Йорун продолжает звучать эхом воспоминания в моей голове: *“Красная птица, режущая металлическими крыльями свод купола... С этого момента начнётся множественное освобождение... И да вернутся первые дети Великого Дома в лоно семьи, породившей их...”*.

Голос Тофы звучит отчётливо:

– Их Король настолько силён, что ни один дар его не взял.

– Сила Беорегарда Диеса равна силе Багтасара Райхенвальда. Он – щит.

– Но силу щита можно впитать... Багтасар мог бы...

– Невозможно. И ты это знаешь. Ведь даже твой дар не смог пробиться сквозь его оборону.

Я резко распахиваю глаза и в эту же секунду неистовым рывком поднимаю своё тело. Кругом темно, как и полагается усыпальницам: только яркий луч лунного света бьёт одиноким столбом в центр зала – проникает сквозь мутное потолочное окно...

Галлий и Рубидий стоят перед каменным столом, на котором я сижу в ошарашенном состоянии. Смирненно сложив руки на животах, смотрят в пол, словно опасаясь встретиться со мной взглядом. Я знаю, где я умер, и знаю, где вернулся: расстояние в две мили, с уходом под землю – этим двум непросто пришлось с перемещением моего тела.

Тело затекло. И онемело до состояния металлизации...

Спрыгиваю с высокого, пробирающего холодом стола – сколько на этом камне до меня полежало трупов? Каждый второй Металл, живший благодаря моей руке и умерший от неё же...

Смотря мутным взглядом вглубь усыпальницы, только благодаря яркому лунному свету я различаю коконы, корнями уходящие глубоко под бетонные плиты потрескавшегося от древности пола...

– Свершилось? – первое слово царапает моё горло, словно наждак металл.

Йорун и Тофа приближаются. Отвечает старшая:

– Всё получилось, мой Король. Чужаки ушли на закате прошлого дня.

– Что наши умершие?

– Коконь принялись. Будут возвращены и возвращены.

– Хорошо... Джодок также?

Взгляд Тофы забегал в растерянности:

– Мы думали, что Вы не захотите его возвращения.

Я обращаюсь к Йорун:

– Верни. За предательство казню собственноручно.

Взгляд Йорун теряется, но она находит в себе силы для ответа:

– Как прикажете...

Не сдвигаясь с места, я осматриваю коконы, но не досчитываюсь нескольких:

– В каком Диандра?

– Диандра, Борей, Кайя, а также Кейара и Рат ушли с чужаками... – Тофа не успевает договорить.

Словно раненый зверь, от силы боли, вызванной внезапным ранением, ничего не слыша и не видя от застелившей все чувства восприятия ярости, я рванул к докладывающей и уже в следующую секунду ощущал своими твёрдыми пальцами её вязко-горячую, металлическую кровь... Я промахнулся: целился в сердце, но рука вошла ниже, под рёбра – очевидно, меня всё ещё штормит...

Вырвав руку из плоти Рубидия, не смотря на её потрясённое лицо и падение на пол, я хватаю левой рукой за хрупкую шею стоящую рядом, поражённую ужасом Йорун:

– Ты обманула меня, старуха! – в эту секунду я больше чем просто рву и мечу – я напрочь потерял рассудок, что в текущей ситуации абсолютно устраивает меня... – Ты говорила, что Диандра останется в моей ладони необратимым в прах семенем! Это твои слова, треклятая гадалка! И где Диандра?! Где она?! **ДИАНДРА СМОГЛА УЙТИ!!!** Ты и твоя девка имеете смелость говорить мне о вашем крахе!!!

– Багтасар... – она не имеет возможности ответить, лишь судорожно хватается за мои руки, в тщетной надежде высвободиться из стальной хватки...

Я поднял её вверх, словно сухую тростинку, резко оторвав её трясущиеся ноги от каменного пола и уже зная, что её тощая шея не останется несломленной...

– Слушай внимательно, сука! За Диандрой отправятся все: и живые, и мёртвые, и ты с Рубидием будешь в первых рядах! **СДОХНИТЕ ВСЕ, НО ДИАНДРУ МНЕ ВЕРНЁТЕ!!!**

За секунду до перелома шеи Йорун истекающая кровью девчонка – Тофа – нашла в себе силы заговорить голосом, захлёбывающимся от поступающей в рот собственной крови:

– Йорун не обманула тебя!.. Она... Не обманула...

Глава 2

Рея Роул Рений

Декабрь 2158-го года

Мокрая доска под моим животом опротивела: лежа на ней, я работаю руками в воде уже третьи сутки – добраться от берега Тасмании до противоположной части австралийского континента, пусть и большую часть пути преодолеть сушей, оказалось совсем не так быстро, как я себе это представляла.

Я не одна. Ближе всех ко мне, как всегда, Адэйр – он плывёт по мою правую руку, подбадривая меня периодическими касаниями пальцев и лёгкими улыбками. Большой, могучий парень, на две головы выше меня, в три раза шире меня – могу спрятаться за ним целиком, никто даже не заподозрит меня в тени его мышц. Теплокровный по своей тропической природе, он никогда не был ценителем рубашек – даже в момент нашей первой встречи он был до пояса обнажён. Что меня в нём привлекло? Груда мышц – да; дреды погуще моих в сочетании с выбритыми висками – приятный бонус, как и татуировки... Нет, всё же всё не то. С красотой можно переспать, но не выбрать провести с ней совместную вечность. Адэйр покорила меня своим заразительным смехом и сложным чувством юмора – он умел меня смешить ещё до того, как решился совратить. Хотя, кто кого в итоге совратил – вопрос весьма риторический.

По правую руку Адэйра плывёт Эспен – его младший брат. Не могла же я обратить в Металл одного без другого: они слишком дружны, что, конечно, связано с их детством – осиротели в возрасте четырнадцати и двенадцати лет, после чего сцепились друг с другом мертвенной хваткой, словно крабы-отшельники клешнями. Эспен ниже Адэйра на голову, в плечах уже на сантиметров десять, и всё равно тот ещё крепыш: мускулы пусть и не чётко прорисованные, будто слегка заплывшие жирком, всё же внушительные. Кареглазый, как и Адэйр, борода короткая – Адэйр отрастил до груди, с двумя косичками... У Адэйра волосы тёмные, почти чёрные, у Эспена заметно светлее, почти каштановые, и вместо дредов густота не коротко стриженных волос блестит шёлком.

Эспен более чистоплотный, интересующийся скорее искусствами и чтением, нежели спортом и экстримом – Адэйр его противоположность: грубоватый, драйвовый, громко хохочущий во все свои идеально ровные белые зубы – то, что нужно той, что полжизни проторчала в библиотечной пыли, изнемогая от жажды адреналина. То, как мы с Адэйром прыгали со скал в океан, часами не слезали с досок на волнах, а после не выныривали из-под волн, ели странные фрукты в заброшенной лачуге рыбака, ночи напролёт занимались сексом под усыпанными звёздной крошкой небесами – лучшие мои воспоминания за последнее десятилетие

моей жизни, проведённой в Диких Просторах. Да и вообще за всю мою жизнь, если уж зреть в корень...

По левую мою руку плывут ещё двое: Тиара Джумарейо и её мать собственной персоной – Катерина Капканова. Внешне Тиара – точная копия своей сестры-близняшки Кейары, но внутренне она совсем иное существо... Бойкая, бурная, страстная – старшая Джумарейо совсем не похожа на свою смиренную, милую младшую сестричку. Что же касается Катерины, в смерть которой я, как и её дети, до недавних пор искренне верила... Она никогда не была простой. Эффектная блондинка – волосы длинными густыми волнами стелятся по пышной груди, – с истинно русским темпераментом, внешне она похожа скорее на вымышленную секс-нимфу, нежели на человека и даже Металла... Дело в её давно минувшей человеческой жизни: до обращения в Металл она была женщиной, “сделавшей” свою внешность – силикон в губах; импланты в ягодицах и в груди то ли пятого, то ли шестого размера; вишенка на торте – воистину осиная фигура, как результат операции по удалению пары рёбер. Однако время прошло, волей случая или самой Судьбы Катерина прожила долгую жизнь, часть из которой является металлической, и теперь она не просто секс-кукла – она секс-кукла с мозгами = опасное оружие, в частности, против мужчин. Более Катерина не может изменить в своей внешности ничего, как бы она ни хотела вернуться к своему “изначальному” образу: импланты в буквальном смысле стали частью её тела – режь не режь, вырезай не вырезай, металлическая регенерация всё вернёт на место, – так что свою “глупость молодости” она ныне мудро обращает в “силу зрелости”. Впрочем, долго за ней наблюдать мне не пришлось, а первое мнение, как известно, может быть обманчивым... Да, она явно помудрела с нашей последней встречи, но при этом её природная “ветренность” никуда не выветрилась. Если бы меня попросили обозначить Катерину коротким понятием, я бы назвала её “гремучей смесью”. Смесью из чего с чем и что из всего этого гремит – сами разберётесь, когда столкнётесь с ней, то есть ровно в тот момент, в который будет слишком поздно для спасительных разбирательств...

Ночь уже час как сгустилась, и всё же подплывать к родной земле даже в темноте оказалось волнительным... Я знаю эти деревья... Этот берег... Очертания башни вдаль – наивысшая точка Дворца... Что с ними стало?.. Мне страшно, потому что дар Тиары ограничен: она может видеть уже свершившееся, но её видения обрывчатые, открывают не всё и не до конца. Я не знаю, кто жив, а кого больше нет. Не знаю, завершилась ли битва. Не знаю, опоздали ли мы или же всё ещё не потеряно – мы успели, пришли в решающий час, а значит, битва с чужаками неизбежна?..

Спрыгнув с доски, я оказываюсь в воде по колена и спешу выйти на сушу – желание переодеться в сухое перерастает в жажду! – но, вовремя вспомнив о куполе – глухой стук лба

Эспена о невидимый барьер напоминает, – останавливаюсь и протягиваю руку Адэйру. Остальные, взяв свои доски, также касаются меня руками... Я провожу под купол всех: плюс пять Металлов Триединого Королевства против неизвестного количества Металлов Рудника. Моя уверенность – или же самоуверенность? – в том, что я одна могу размотать всех, подпитывает мой боевой настрой. Да, я уничтожу любого, кто пошёл против моей семьи! Только если... Мы не опоздали...

***

Идти по коридорам, из которых всего каких-то десять лет назад днями и ночами напролёт мечтала сбежать – странно и страшно... А вдруг я опоздала? Вдруг все мертвы? Тиара говорила, что в её видениях свершившегося текли “реки металлической крови”. Или... Вдруг всё не так плохо? Вдруг все живы, и тогда... Не загнала ли я себя, а заодно и остальных, в ловушку без выхода? Адэйр не отпустил бы меня одну, Эспен не отпустил бы Адэйра без себя, что же касается Катерины и Тиары – они не могли не прийти, ведь речь идёт о жизнях Банджи и Кейары... Все зашли под купол добровольно, и всё же... Вдруг поздно? Вдруг зря? Вдруг это страшная ошибка?

Взмахом руки я говорю всем остаться в коридоре: мы подошли к главному залу, в котором стоит начинать поиски Багтасара – ночами он ходит здесь чаще, чем бывает в своих покоях... По крайней мере, так было прежде – десять лет с тех пор миновало...

...Мой металлический слух различает тяжёлый шаг... Очень похож.

Взглядом приказав всем замереть и убедившись в том, что не слышу сердцебиений своих спутников, я одна, забыв дышать, направляюсь навстречу тяжёлому эху.

Глава 3

Багтасар Райхенвальд

Я не верю своим ушам. Поэтому оборачиваюсь, чтобы убедиться зрением в том, что эти шаги действительно звучат в стенах моего дома.

– Моя блудная дочь... – прежде чем я успеваю договорить, Рея срывается с места и на металлической скорости за считанные секунды пересекает пространство зала.

Она ахает, останавливаясь всего в шаге передо мной:

– Ты жив! – в её глазах смятение, испуг, страх...

Я по-отцовски кладу на шальную голову непослушной девчонки свою руку, отмечая, что её дреды стали ещё гуще и не изменили своему синеватому отливу – и где только краску добывает? Быть может, она их вовсе не красит...

– Где ты была?

– Путешествовала...

– Нравилось?

– Безумно!

– Зачем же вернулась?

– Было ведение о том, что в Триедином Королевстве состоялась Металлическая Охота с участием неких Металлов из Рудника. Я испугалась за твою судьбу и пришла, чтобы встать на защиту *нашего* дома.

– У тебя нет дара видения будущего ли, прошлого ли, – замечаю я, и дочь сразу же прищуривается... Я прекрасно помню значение этого прищура вечного подростка, пытающегося хитростью отпроситься у родителя на дурную вечеринку. – Ты не одна?

Стоит мне задать этот вопрос, как в зал заходят четверо: я не услышал их заранее, потому что слушал свои мысли, затем её дыхание, но не пространство... Двое парней – незнакомцы: один по пояс голый, в кожаных штанах, второй более сдобный, в рубашке и штанах льняных... Сразу ясно, кого из двух она сначала выбрала, а теперь притащила – тот, что с дредами... Что ж, давно пора. Откровенно говоря – отчасти ради этого и отпускал её прочь.

Однако я узнал двух женщин, в моём списке давно значащихся мёртвыми: Катерина Капканова и Тиара Джумарейо. А вот это настолько же непростительно, насколько интересно...

Моя дерзкая Рея по-детски не может дерзить только мне, поэтому, обращаясь ко мне в важный момент, запинается:

– Я... – нервное сглатывание. – Даровала Адэйру Шандроэну и Эспену Шандроэну металлическую суть...

Ясно. Один – Лютеций, по металлической сути Флорентины, а второй, значит, Кобальт. Лютеций более стоек в плавлении, однако же Кобальт более прочный в целом. Значит, своего избранника она обратила в Кобальт.

– Как давно?

Снова нервное сглатывание:

– Семь лет назад.

Значит, спустя три года после ухода из-под моей опеки.

Видимо, чтобы окончательно утвердить положение своего избранника в моих глазах, Рея всё же решается на важное заявление:

– Я заиклена.

– С кем?

– С Адэйром. И он на мне... Тоже.

Кто бы сомневался.

Мой взгляд переходит на мать и дочь. Они сразу же спешат опустить взгляды и рухнуть на колени. За них вызывается говорить Рея:

– Прошу, Багтасар, прости их... Они пришли, чтобы помочь тебе в битве против европейских Металлов.

– Опоздали. Вы все. Бой окончен.

– Кто... Победил?

Очевидно, её смутило опустошённое состояние Дворца.

– Победили все: каждый взял то, что было необходимо.

– Багтасар, прошу о Катерине и Тиаре...

– Дворец ныне пустует, так что заточение предательниц в подземелье ни к чему. До суда твоя свита полным составом может оставаться во Дворце. Размести их на этаже своих покоев: каждому по комнате.

– Благодарю за твоё великодушие, Багтасар, – Катерина отвешивает такой низкий поклон, что её тяжёлая грудь едва не касается каменного пола.

Великодушие – то, чем я определённо точно не отличаюсь. Ей ли не знать. Однако... Взмахнув рукой, тем самым немо сказав всем уходить, я задержал за руку Рею. Когда все удалились в коридор, я заговорил с оставшейся тихо, так, чтобы сила чужого металлического слуха не дотянулась сквозь стрекотание прозрачных светильников-сверчков:

– Все, кроме меня, Йорун и Тофы, в коконах.

– Все?! – Рея едва не подпрыгивает. – Сколько было пришлых?!

– Меньше, чем нас...

– Как же...

– Они были сильны. И нам необходимо было это поражение.

– Не понимаю.

– Сейчас это необязательно. Уведоми Катерину о том, что у неё осталось всего два ребёнка, один из которых потерян.

– Что с Кейарой и Банджи?!

– Кейара ушла с европейцами.

– А... Банджи?

– Его початок погиб прошлой ночью. Причина неизвестна.

– Погиб только... Только *его* початок?

– Пока что. Но до общего созревания ещё далеко. В любой момент может произойти всё что угодно – ближайшие месяцы мы живём в зоне риска, – услышав эти слова, Рея начинает быстро моргать, так что я касаюсь её прохладного бледного лица, чтобы немного успокоить. – Я рад, что ты вернулась, дочь моя. Ты мне сейчас нужна.

– Я буду здесь, пока моё присутствие будет необходимым.

– Не переживай. Ты не в клетке.

– Спасибо, – она так резко обнимает меня, что будь я слабее, услышал бы треск в рёбрах.

– Мне было важно услышать это...

Рея Рений Роул – единственная и неповторимая девочка-пацанка, каким-то сумасшедшим образом умудрившаяся запасть в ту странную часть моего сердца, которая должна бы откликаться на родных детей, но не откликается.

***

Катерину и Тиару я не заточил в подземелье вовсе не из великодушия: в подземельях Дворца сейчас неспокойно, о чём знать всем вовсе нет необходимости.

Спустившись в зал, когда-то служивший главным местом обитания Розалии, а ныне служащий колыбелью для коконов, я сажусь на каменное ложе, в лунном свете блестящее от застывшей бериллиевой крови моей младшей дочери. Я не хочу знать, кто именно обезглавил её. Отчасти потому, что не желаю услышать имя “Диандра” – ведь, услышав его, я предаю кровную дочь своим прощением её убийцы. Отчасти и потому, что любое другое имя сразу же возьму в мсть – даже несмотря на то, что, по сути своей, убийца сыграл роль освободителя.

В этом помещении я провожу дни и ночи напролёт: столп солнечного света и столп света лунного – всё, что освещает здешнюю темноту. Выхожу на поверхность только когда Йорун говорит о том, что мне “надо” выйти. Сейчас старуха ходит между коконами и что-то шепчет себе под нос – слова, значение которых мне непонятны. Я сверлю взглядом заветный кокон – второй слева – и стараюсь не смотреть в сторону покрывшегося ржавчиной початка, расположенного рядом. Банджи Джумарейо никогда не интересовал меня: сопляк, впрочем, своим характером обещавший стать толковее своих придурковатых отца и дяди, и всё же – не стал. Быть может, на роду Джумарейо лежит какое-то тайное проклятие по мужской линии? Отец семейства недолго прожил после обращения в Металл; дядя ладно бы был просто бездарен, так ещё и жалкий подлец – сущее ничтожество; пацан так и не расцвёл, несмотря на все предпосылки... С женщинами в этой семье всё радикально наоборот: мать семейства оказалась даже более живучей, чем я предполагал, хотя она, конечно, не урождённая Джумарейо; Тиара настолько бойка, что способна заткнуть за пояс и крепкого парня; Кейара великодушна... Мужчины Джумарейо среднего посола, женщины Джумарейо – писанные красавицы. Даже жаль, что придётся прервать их род: будем честны – я не прощаю предательств, даже “оправданных” спасением собственной жизни.

Тофа подходит ко мне с любопытством, откровенно плещущемся в её огромных чёрных глазах. Вот ещё один ребёнок, лояльность к которому у меня нет-нет да имеется. Дело в памяти: помню, как спасал её в волне Стали, как качал на коленке, когда уже был Металлом, а она, разбив ладошки, ревела, пока не успокоилась на моих руках. Не Рея, конечно, но и не совсем чужое дитя...

Много лет назад Тофа рассказала мне о духе Маршала Кроуфорда, связанном с Диандрой. Я приказал ей не сводить этот дух с моей избранницей. Девочка не подвела – до крови кусала губы, но Диандре так и не рассказала о том, что отец Борея стучится “поговорить” с ней. Сейчас же её дар помогает: она слышит “зарождение” душ, подтверждает их “пение” в коконах – заранее видит проблему... Один кокон – кокон Рагнхильд, – ведёт себя беспокойно, так что Йорун присматривает за ним с особым вниманием, как и за самым важным коконом – читает больше своих тайных мантр возле них. Однако же и предвестие Тофы и мантры Йоруна не смогли повлиять на спасение кокона Банджи.

– Твоя лучшая подруга вернулась, – не глядя на девчонку, я наблюдаю за тем, как Йорун использует один из своих самых завораживающих даров – обращает своё тело в металлическую жидкость, растекающуюся вдоль початков...

– Рея уже здесь?! – Тофа хотела бы скрыть радость, да только скрывать эмоции за все семьдесят лет своей жизни так и не научилась.

Отпускаю:

– Можешь идти. Вернёшься с рассветом.

Рубидий спешит ретироваться, чтобы до утра проговорить с той, по ком скучала больше, чем по ком бы то ни было в своей жизни, чтобы испугаться возвращения Тиары, поразиться явлению Катерины, удивиться Адэйру и с осторожностью отреагировать на Эспена...

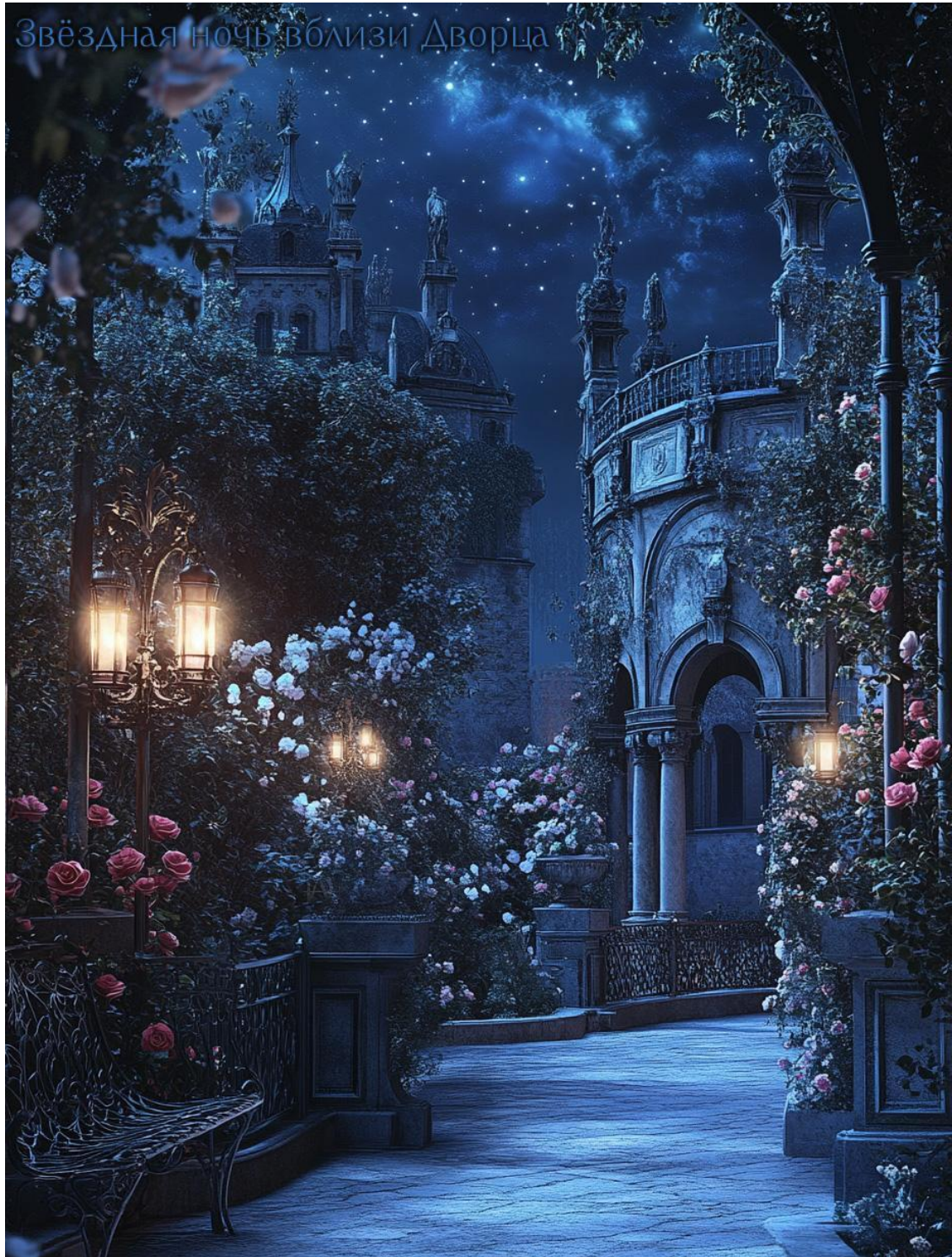
Я же продолжаю неотрывным взглядом наблюдать за Жрицей.

Ещё час она растекается галлиевой массой вдоль корней початков. Привычно следя за происходящим, я вспоминаю, как обратил эту женщину в Металл: перед обращением она поклялась мне в верности и всецелой службе своим даром, каким бы он ни был. Кто бы из нас тогда мог подумать, что она окажется способной на подобные манёвры...

По истечении часа старуха приближается ко мне с серым лицом – её возвращение в “твёрдую” форму с каждой ночью занимает всё больше времени. Я обращаюсь к ней словами:

– Ты единственная знаешь, каким образом меня возможно убить наверняка. Моё тело пролежало в мёртвом состоянии сутки. Здесь находились только ты и Тофа. В вашей власти было пресечь моё возвращение. Остались бы королевами...

- Не понимаю.
- Были ли у вас сомнения, Йорун?
- Ни секунды.
- Странный ответ.
- Все Вампирески – твои должники: мы должны тебе за всё, начиная с наших металлических существей – ты даровал нам жизнь в веках. Ты жестокий, но и мудрый... Ты наш правитель. Другого не дано.

Глава 4

20 августа 2159-го года

Диандра Рокс

Моё сознание болезненно озаряется яркими вспышками, высвечивающими последние воспоминания моего существования в этом мире...

Багтасар пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти мою жизнь: он закрыл моё тело от смертоносного удара своей широкой грудью! Король Триединого Королевства умирал на моих руках, я держала его могучую голову на своих дрожащих коленях... В нём было столь много энергии, что даже после получения хромового кинжала в своё хромовое сердце ему удалось произнести последние слова для меня: “Моя любовь к тебе была истинной... Ты невероятна...” – он не договорил. Испустил последний вздох и замер...

Не в силах более сдерживать непонятные для себя слёзы, я неожиданно, тихо расплакалась – вода из моих глаз бурным потоком стала падать на застывшее лицо гиганта, любви которого я так и не поняла, любви которого, как мне стало казаться в эту горькую минуту, я не была достойна... Ведь я говорила, что никогда не испытывала и никогда не испытаю к нему нежных чувств. Но что это за водопад из моих глаз, если не нежность? Я не полюбила его даже за его жертву: кажется, нет. Но я окончательно и бесповоротно поверила в силу его любви, в этот момент умершую вместе с ним ради моей жизни. Но... Почему умерла я? Ведь он спас меня... Я помню, как плакала над ним и... После этого – ничего. Очевидно, я не заметила своей смерти. Должно быть, на меня напали сзади или же *всё случилось* настолько внезапно, что я совершенно ничего не успела осознать и даже почувствовать. Вероятно, меня, как Джо-дока, расплавила своей энергией Дикая... Иначе откуда этот яркий, слепящий свет?.. Почему так... Тесно... Нечем... Дышать...

...Я задыхаюсь...

Я ЗАДЫХАЮСЬ!!!

Резкий хрип вырывается из моего горла... Я открываю глаза и понимаю, что нахожусь не в кромешной темноте... Серость... Кругом нити... Они окутывают меня глухой стеной... Давят... Сжимают... Они пульсируют, и своим сжатием толкают меня... Я словно внутри тугого клубка... Нет, не так... Нити влажные – не мокрые, только влажные, – и холодные – моё голое тело дрожит от их прохлады! Или же по другой причине... Моё тело отзывается дрожью на их пульсацию?.. Почему я обнажена?.. Где моя одежда?.. Дышать! Воздуха не хватает... Дышать!..

Инстинкт толкает меня вперёд: я вытягиваю руки, рву нити – они разрываются легко, но их много и они настолько тугие, что кажется, будто стену с первого раза не взять силой... Воздуха... Не хватает... Не хватает... Не хватает силы!.. Руки слабые... Я будто не пользовалась ими сто лет, а может и вообще... Воздух!.. Воздух!.. Один глоток воздуха!..

В момент, когда я уже решила, будто окончательно задохнулась, мои пальцы наткнулись не на нити – на волокно... Я словно семя внутри кукурузного початка! Да, точно, это самая точная аллегория!.. Я рванула... Ногтями рванула плотную стенку... Резко... И захрипела: воздух! Лёгкие наполнились кислородом!.. Больно! Как же больно... Дышать!..

Вперёд!.. Вперёд!.. Вперёд!..

Я рву в клочья ближайšie тугие нити, дорываю лоскутки стенки, громко дышу... Я замурована в каком-то растении?.. Что за... Что это?!

Резкий рывок вперёд и я... Я вываливаюсь – выпадаю всем телом! – вниз... Ужасно холодно! Влажные волосы застилают глаза... Я врезалась телом в каменный пол!.. Удар болезненный... Темно... Где-то впереди из потолка бьёт холодный – лунный! – свет... Я думаю встать, но ноги меня не слушаются – они слабы, они ужасно дрожат... Руки, удерживающие моё туловище от соприкосновения с камнями, дрожат особенно заметно: я едва держусь, чтобы не обрушиться грудью на этот ужасно холодный пол!

Рядом раздаются странные – страшные! – стоны... Я одна из тех, кто стонет подобным образом...

Я слышу голос, который кажется мне знакомым... Тофа?!..

– Все одновременно... В одну луну...

Найдя в себе силы поднять взгляд, я вижу... Я вижу привидений! Йорун – она ведь жива, значит, она не привидение! – и Багтасар... А вот он не может быть среди живых, как и... Я?..

Старуха словно сдерживает Райхенвальда от порыва броситься в моём направлении – с каким же пугающим волнением он смотрит на меня! – она оттесняет его, упираясь в его грудь своей старческой рукой...

Она – Йорун – обеспокоенным тоном говорит не мне – Райхенвальду:

– Условие непреложно: рождающийся сам должен прорваться! Одна её нога всё ещё в коконе!

Я не понимаю, что она говорит обо мне... Я не чувствую своих ног... Вернее, не до конца... Всё тело судорожно дрожит, и я не понимаю, что чувствую, а что только начинаю...

Резкий грохот слева привлекает моё внимание: из “кукурузного початка” на пол вывалилось страшно бледное, почти белоснежное мужское тело – Джодок?! Но я ведь видела... Видела, как его тело обратилось в расплавившуюся родиевую лужу!..

– Он застрял! – вдруг вскрикнул кто-то с голосом, очень похожим на голос Тофы, которую я всё ещё не замечаю, и в эту же секунду я вижу, что за коконом, из которого вывалился Джодок, есть ещё один... Из него торчат огромные ноги – до поясницы... Они застыли... Голый по пояс мужчина... Большой, волосатый – он не двигается... Он застрял в коконе верхней частью туловища?! Задохнулся?! Кто это?!..

– Диандра! – голос Багтасара, такой правдоподобный, словно раскат грома, заставляет меня вздрогнуть всем телом. – Тебе осталось немного, ну же! Один рывок вперёд! Твоя нога!

Я не понимаю, о чём он говорит и обращается ли вообще ко мне, но бросаю взгляд за свою спину и наконец замечаю, что моя правая нога действительно по самую ступню всё ещё находится в страшном, словно распоротом моим весом растении... Резко дёрнув ногу на себя, я окончательно освобождаюсь от пут, и в следующую же секунду... Кто-то властно хватает моё тело... Багтасар! Сначала он обрушивается рядом, затем быстро окутывает моё голое тело огромным белым полотном... У меня нет сил на сопротивление – я едва шевелю пальцами!

– Багтасар... – первое слово, произнесённое моим языком... Во рту металлический привкус от собственной циркониевой крови. – Холодно! Холодно...

– Всё будет хорошо! Скоро станет теплее, – укутав моё обнажённое тело по самую шею, он подхватывает меня на руки, словно мой вес не превышает веса лебединого пера, и спешит куда-то уходить... – Всё будет хорошо... Всё будет хорошо... – он прижимает меня к себе и, к своему удивлению, я ловлю себя на том, что сама жмусь к его груди – она настолько горячая, что едва ли не ошпаривает моё заледеневшее плечо, мою отчего-то щиплющую левую щеку...

Он поднимается по каменной лестнице... В последние несколько секунд перед потерей сознания я вижу диковатую сцену... В подземельном зале – том самом, в котором Тристан казнил Розалию! – происходит страшный ритуал: Металлы выпадают из пугающе бледных коконов... Отталия своим тучным телом проломила каменный пол... Аурелия... Это Аурелия?! Две Аурелии?!

Тофа вскрикнула, остановившись возле одной из Аурелий:

– Это ещё кто?! Почему их две?! – крича, она набрасывает белоснежный халат на дрожащую голую спину непонятого существа...

Это бред. Сон – кошмар! – не имеющий ничего общего с... С чем?..

Я потеряла сознание в руках Багтасара до того, как он вынес меня из этого страшного места.

Глава 5

Веки настолько тяжёлые, что открытие глаз даётся мне с титаническим усилием. Первое, что вижу – запыленный балдахин гранатового цвета. Этот балдахин я не забуду даже спустя сто лет жизни вдали от Дворца: все десять лет моего пленения в Триедином Королевстве он провисел над моей кроватью давящей материей, словно верный страж, служащей не мне... Нет... Нет-нет-нет!.. Я не должна видеть этот балдахин, не должна ощущать под собой эту кровать... Сейчас я закрою глаза, и всё рассеется... Ну же!.. Я сбежала, я ушла... Ушла вместе с Бореєм, Кайей, Ратом и Кейарой... Мы *вместе* ушли с европейскими Металлами, с Теоной и Беорегардом, чтобы никогда не вернуться сюда... Сюда?.. Я *здесь*?!..

Нет, это лишь дурной, тяжёлый сон... Я даже не буду открывать глаза, чтобы не видеть этого кошмара... Только поверну уставшую голову вправо... Поворот даётся подозрительно тяжело: голова и шея словно налились металлической тяжестью.

Я слышу голос... Неужели я действительно слышу голос Тофы? Не может этого быть, ведь она не пошла с нами... Почему она не пошла с нами?..

– Кажется, Диа начинает приходить в себя.

– Ты уверена? – голос Йорун звучит настолько отчётливо, что заниматься самообманом больше не получается.

Резко распахнув глаза, ещё более резко поднимаю своё туловище – сажусь!..

Я в своей комнате, в башне, во Дворце! Сажусь на кровати! Тофа с испуганным лицом – должно быть, испугалась моего внезапного подъёма, – сидит на стуле у стены напротив! Йорун стоит чуть правее... В попытке окончательно осознать себя в реальности, начинаю блуждать по своему телу руками: моя кожа холоднее, чем обычно, даже несмотря на то, что до сих пор я лежала под тяжёлым одеялом; на мне надет хорошо знакомый мне шёлковый пеньюар сапфирового цвета; я дрожу, но не понимаю отчего – от холода ли или от шока?! Камин буйно пылает огнём, получается, в комнате не прохладно... Окно открыто – за окном тёплая летняя ночь... Летняя?! Но ведь сейчас конец ноября!

Кожу лица справа странно тянет, но я не сосредотачиваюсь на этом: я ощущаю жажду! Сначала, то есть по привычке, я предполагаю, будто эта жажда касается животной крови, но вдруг меня озаряет иного рода правда: я хочу пить!

Прежде чем я успеваю заявить о своём желании, Йорун предвосхищает его – подходит ко мне с наполовину пустым хрустальным графином и заранее наполненным стаканом. Я выхватываю из её рук стакан и залпом выпиваю его до дна... Она сразу же хочет налить мне ещё, но я вырываю из её рук графин и с жадностью пью прямо из него, пока не осушаю до дна...

С материнской заботой забрав из моих рук и опустошённый графин, и бесполезный стакан, поставив их на тумбочку, Йорун, остановившись рядом с колонной кровати, поддерживающей балдахин, начинает говорить:

– В ближайшие сутки тебе будет хотеться употреблять много жидкости – не отказывай себе в утолении этой жажды.

Пока я ошарашенно моргаю, Тофа пытается говорить подбадривающим тоном:

– Хорошая новость: пройдя Перерождение, ты освободилась от Вампрагмы – жажда крови тебя больше не будет терзать, – она улыбнулась. – Ты свободна!

Я машинально веду языком по своим клыкам – они острые...

– Да, клыки, как часть тела, никуда не уйдут...

– Что за Перерождение? – мой голос звучит успокаивающе для меня, будто, произнося свои первые слова, я убеждаюсь в том, что я это я... Однако, и Йорун, и Тофа не спешат отвечать. Поэтому я продолжаю говорить: – Я свободна... От Вампрагмы. Но это не главное. Главное, что я свободна от этого места. Я смогла опустить купол, а значит, ушла. Я ведь помню...

– на самом деле, я не помню, как уходила – помню лишь, как пал купол, но раз он пал, значит, я ушла! – Это сон?..

– Это не сновидение, Диандра, – наконец начинает отвечать Йорун. – На Металлической Охоте состоялась великая битва с Металлами Рудника. Многие Вампирески погибли... – это я помню! – Погибших пришлось вернуть.

– Что? – не понимаю.

– Помнишь, я говорила о Древе, о сложности своего дара, который я не стремилась объяснить?

Помню... Она что-то упоминала... Когда вернула к жизни птицу, подаренную мне Багтасаром и не пережившую одну из Ночей Розалии...

– За последнее десятилетие я научилась возвращать к жизни не только птиц и животных. Впрочем, вы – первые, с кем у меня получилось... Понадобилось девять месяцев, чтобы вы смогли *вернуться*. То есть... Переродиться.

Я пытаюсь понять, но панические мысли роятся и жалят, словно осwirепевшие пчелы... Йорун может возвращать к жизни... Мы – кто мы? – первые люди... Нет, не люди... Первые Металлы, которых она смогла вернуть... Следующая мысль озаряет моё сознание яркой молнией: вот почему Багтасар не злился из-за смертей Сольвейг и Розалии – он знал, что сможет вернуть их?!

Я растерянно моргаю:

– Не понимаю... Я что же, тоже погибла?.. Почему я не помню этого?.. – и снова в ответ тягостное молчание... И снова мне хочется знать больше, чем они успевают ответить, поэтому я продолжаю наседавать вопросами: – Всех ли удалось переродить?

На сей раз отзывается Тофа:

– Початок Банджи погиб в первый же месяц зарождения. Увы, шанс на попытку был всего один, так что *этого* не исправить – Банджи больше не с нами. Ещё Жарноваль Скорч в последний момент не смог выбраться из кокона – пошёл вперёд ногами и в итоге задохнулся...

Скорч?.. Причём здесь Скорч?! Он погиб десятилетие тому назад! Маршал давным-давно разорвал его в клочья! Никакого Скорча не было на Металлической Охоте! Что за бред?!

– Что было... Что было после того, как купол пал?

Йорун откликается смиренным тоном:

– Я и Тофа собрали останки павших.

– Ты и Тофа... А остальные выжившие Вампирески?

Тофа не смотрит мне в глаза:

– Рат, Кейара, а также Борей, Кайя... – она словно не договаривает какое-то имя. – Они ушли с Металлами Рудника.

Что?!.. Что они такое говорят?!

– Борей и Кайя ни за что бы не ушли без меня! Где они?! Что вы с ними сделали?! Что вы недоговариваете?! Что случилось с Бореем и Кайей?! Почему они не здесь?! – я начинаю так буйно вопрошать и даже размахивать руками, что Йорун поднимает свои руки в жесте, призывающем меня к успокоению...

– Я сейчас всё тебе объясню, только не переживай... Хорошо?

– Ну же!

– Помнишь ли ты о том, что перед началом каждой Металлической Охоты все Вампирески традиционно сдают свою кровь – на хранение мне.

– Конечно же я помню это!

– Так вот ты, Кайя, Борей, а также Рат смухлевали... – от этих слов я замираю, потому что знаю, что она говорит правду, то есть, разоблачает мою хитрость. – Не зная, для каких целей берётся ваша кровь, и при этом, очевидно, планируя побег, вы решили обойти систему. Рат сдал поддельную кровь – кровь своего клона. Ты же, Борей и Кайя испортили свои образцы:

смешали свою кровь с кровью животной. Однако Багтасар, предвидя сопротивление с вашей стороны, перестраховался и раздобыл твою кровь заранее... – заранее?! Именно мою?! Что это значит?! Почему я не помню, как он “раздобыл” мою кровь?! – У меня всё же есть чистая кровь и Борея, и Кайи – добыла её за полгода до Металлической Охоты – но я пока её не применяла...

– Не применяла для чего?

– Для ритуала Перерождения.

– Не понимаю...

– Чтобы вернуть существо к жизни, мне необходимы его останки. Восстав, существо помнит ровно то, что с ним происходило до смерти...

– Я не умерла! – меня озаряет. – Я ушла!

– Да, Диандра, ты ушла, – Тофа нервно поджимает губы. – Вместе с Бореем, Кайей и остальными.

– Так я всё-таки... Ушла?... У меня получилось?... Я сейчас... Свободна?..

– Да.

– Выходит, всё происходящее здесь и сейчас всё же сон?!

– Нет.

Я запуталась...

Йорун даёт мне отдышаться, после чего продолжает наседать ещё большим напором информации:

– Я неспроста все эти годы была хранительницей останков Металлов – все они были ключами возвращения жизни...

– Я поняла! Поняла! – моё нетерпение взрывает меня изнутри. – Ты можешь вернуть к жизни умерших, если обладаешь их останками! Это рискованно – могут вернуться не все, но кто-то... Однако при чём здесь я?!

– Обычно живых нельзя – или же правильным будет сказать “невозможно” – пропустить через Древо. Но с тобой получилось. Ты, Диандра, единственная, сумевшая Переродиться при жизни. Я пока ещё не разобралась, в чём здесь дело... Ты... Аномалия.

– Ты же сама только что сказала, что для воскрешения, то есть Перерождения, необходимы останки! А ты, – я бросила плавающий взгляд на Тофу, – сказала, что я ушла вместе с Бореем и Кайей! Моих останков у вас нет... Не было! Я жива! Я ушла!..

– Диандра, ты шокирована, твоё внимание рассеяно... – Йорун пытается уйти от ответа, но я не могу ей позволить эту роскошь.

– Нет, отвечай здесь и сейчас!

– У нас было твоё ДНК. Ты долгие годы стригла свои быстро отрастающие волосы и ногти – за десять лет я собрала циркониевых частичек твоего тела весом с твой скелет. Также я успела собрать твои слёзы, пролитые на лицо Багтасара – они послужили для тебя длинной памятью: ты помнишь всё до момента смерти Багтасара, но не дальше, потому что твоя последняя частичка, взятая мной, была в этом моменте. Если бы я не собрала твои слёзы, если бы Багтасар не добыл каплю твоей крови незадолго до этого... – в этот момент я вспоминаю, как незадолго до прихода в сознание Дикой Райхенвальд подносил к моим губам капсулу с кровью, и сейчас же понимаю, что это был отвлекающий манёвр – он не пытался напоить меня человеческой кровью, он добывал мою! – Что ж, если бы не эти частицы, твоя память обрывалась бы на моменте перед самым началом Металлической Охоты: ты бы помнила гораздо меньше, чем сейчас.

– Йорун, ты... Я... Я... – у меня в голове взорвалась целая Вселенная.

– Как я уже сказала: ты единственная из живых, сумевшая переродиться при жизни.

Отдельные детали пазла начинают складываться во вполне различимую, поражающе пугающую картину. Вот почему во время Металлической Охоты Йорун и Тофа вместо того, чтобы вступить в бои, разыгрывали отступничество – на самом деле они были оберегаемы

с самого начала! Наблюдательницы... Они с их дарами были необходимы для того, чтобы... Чтобы вернуть к жизни павших. У них с Багтасаром изначально был свой тайный план, скрытый ото всех... Быть может, Тофа узнала не сразу, но Йорун всегда всё знала на много шагов вперёд. Им важно было уцелеть, чтобы...

– Йорун, ты... – у меня перехватывает дыхание от вопроса, который я должна задать дальше. – Ты клонировала меня?..

Йорун опускает глаза...

Я перевожу взгляд на Тофу... Рубидий также сверлит взглядом пол...

Они... Что они... Сделали?..

Тофа вдруг начинает лепетать

– Это всё... Багтасар... Я бы не... Мы бы не... Но Багтасар не может без тебя. Он... Он действительно не... Не может... Без него не будет Триединого Королевства, не будет... Нас... Не было бы... Тебя...

В моей голове все лица и фразы начинают сливаться воедино: Дикая, Рат, Теона, Кайя, Беорегард, Борей, Джекки, Тристан, Конан, Кейара – Металлическая Охота... Они ушли... Кайя куда-то переместилась с Теоной, Беорегардом, Конаном... Дикая, Тристан, Джекки, Борей, Рат и Кейара остались... Мы вместе... Всё сделали и... Я выбралась из-под купола... У меня получилось! Я ушла!.. Или... Не выбралась... Получилось и не получилось одновременно?..

...Получилось и не получилось одновременно...

Чувства не смешались – они аннигилировались и в эту же секунду воссоздались в нечто новое...

Йорун и Тофа продолжают говорить, но я, смотря прямо перед собой ничего не видящим взглядом, слышу их слова отрывочно, словно из-под толщи воды...

Тофа беспокойно-участливо щебечет какую-то чушь:

– Рагнхильд подвёл её дар переворачиваться в другую личность – он отработал столь жестоко, что теперь она... И потом... Ну и... Вот так вот... Оказывается, она сдала кровь в моменте, в котором шуточно приняла облик Аурелии, поэтому вернулась к жизни в её образе и теперь... Кажется, она никак не может перевернуться обратно в свою внешность... Аурелия в шоке...

– Аурелия? – мой голос звучит глухо, как перед обмороком.

Йорун:

– Мы вернули многих павших.

Аурелия вернулась к жизни?.. Борей будет рад... Нет... Борей не сможет обрадоваться: он ушёл вместе с Кайей... Вместе со мной...

Тофа:

– Вернули только тех, чьи души согласились по возвращению к жизни присягнуть клятвой верности Багтасару... Это как... Обмен на жизнь... И вот... Они... Все те кто... Согласился в разговоре со мной, тех Йорун вернула...

– Меня не вернули к жизни – меня клонировали, – мой голос мне не принадлежит.

Йорун:

– Ты сформировалась из собственной плоти и крови... Точь-в-точь такая же... Те же шрамы, память тела и разума... Весь твой опыт и знания при тебе, а так же...

Я закрываю глаза и сжимаю холодными пальцами тонкую материю платья в области живота... Да, моё тело, оно... Оно помнит, как породило Борей, но... Но правда в том, что оно никого не породило... Борей родился прежде этого тела... Мне... День?.. Два?.. Сколько мне от роду?!..

Осознание того, что исчисление моей жизни равняется фразе “всего-ничего”, в то время как в этот же момент параллельно существует девяностолетняя Диандра – я! я! я! – разрывает

меня изнутри! Я хватаюсь за правую скулу, кожа на которой до сих пор тянет, и... Замираю... С лицом что-то не так... С моим лицом что-то не так! Пальцы чувствуют травмированность!..

Я машинально бросаю взгляд в сторону напольного зеркала, всегда стоявшего в левом углу комнаты – оно отвёрнуто к стене! Кто его отвернул и зачем?!

Я спешу встать на ноги, но стоит мне спрыгнуть с кровати, как Йорун и Тофа резко преграждают мне путь к зеркалу.

– Что происходит?! – я кричу, и их взгляды теряются. – Пошли прочь!

Йорун пытается успокоить меня:

– Диандра, для тебя сегодня достаточно потрясений...

Неожиданно для себя, я толкаю её... С металлической силой... Так, что она ударяется спиной о зеркало, которое, в свою очередь, врезается в каменную стену и... Разбивается... Осколки с шумом летят на пол. Тофа ахает, Йорун продолжает расставлять руки в стороны, не допуская меня... Я... Я не знаю, что сделала бы дальше – расплакалась бы или же озверела от злости, – однако в этот момент позади меня раздаётся звук отворившейся двери. Обернувшись, я замираю от нового шока: Багтасар Райхенвальд! Живой!

Глава 6

Продвигаясь к центру комнаты, Багтасар не сводит с меня полыхающих глаз, как и я не отвожу от него своего откровенно испуганного взгляда. Остановившись напротив камина, он произносит, не глядя в сторону Йорун и Тофы:

– Оставьте нас.

Женщины спешат исполнить приказ... Хотя они проходят мимо Райхенвальда, это не мешает нашему зрительному контакту, так как он значительно выше их голов...

Стоит двери за его спиной захлопнуться, и я, резко развернувшись и припав коленями на ковёр, хватаю с пола крупный осколок зеркала. Я всего лишь хотела посмотреться в него, честно... Всего лишь раз взглянуть... Но Багтасар в этот же момент надавил на мои плечи своим весом. Инстинкт сработал прежде, чем я успела подумать: осколком зеркала, который он стремился отнять у меня, я, во время стремительного разворота, со всей силы врезалась в его плечо... Конечно, я не целясь чаяла попасть в шею – перерезанная сонная артерия надолго бы заняла его, – но он ведь слишком высок... Не рассчитав расстояние, я угодила в плечо – острый зеркальный осколок вонзился прямо в центр бицепса, спрятанного под пиджаком средневекового кроя. Кажется, он даже не почувствовал боли.

Мы одновременно подскочили на ноги – расстояние всего в одну вытянутую руку...

– Я... Прости... Не стоило тебе вырывать из моих рук... Я лишь хочу взглянуть на себя в зеркало.

Пальцы его не пострадавшей руки неожиданно касаются моей щеки – чуть ниже пылающей кожи на скуле, – переходят на подбородок... Смотря на меня словно замороженным взглядом, он наконец произносит неожиданное:

– Великолепная Диандра... Ты прекрасна. Твоя красота неоспорима...

Я вырываю из плеча безумца осколок зеркала – теперь он наполовину металлический, – и сразу же бросаю взгляд в остаток зеркальной поверхности... Шрамы! Ужасные полосы чёрных шрамов на порванной коже правой скулы, тонкая паутина под левым глазом, крупная раздваивающаяся линия на лбу прямо над правой бровью!

Истерика накрыла меня, словно смертоносное цунами дрожащую землю! Отрезвляющее осознание того, что я не являюсь собой, что моя внешность не настоящая – настоящая Я ушла! но Я здесь же! – что лик этой темницы – этого тела! – изуродован, в одну секунду обращает мой внутренний мир в эмоциональный фарш.

Дико закричав, я выронила из своих рук осколок, случайно до крови порезав им руку... Багтасар попытался обнять меня, но я, продолжая истерически вопить, вырвалась... Он оказался за моей спиной... Из моих глаз покатались неконтролируемые потоки слёз... Моё тело, резко вошедшее в напряжение, вдруг перестало ощущать силу... Крича в истерическом рыдании, обнимаемая Багтасаром за плечи сзади, я начала оседать на пол... Он последовал вслед за мной... Входя в силу вопля, я упёрлась правым виском в изножье кровати...

– Диандра... Всё будет хорошо... Диандра...

Я развернулась... Безумец слишком высок, так что я пальцами обеих рук – правые в крови от случайного пореза, – схватилась за его рубашку и начала надрывно рыдать в его широкую грудь, пока он пытается обнимать меня:

– Что ты наделал?! Багтасар!.. Что ты наделал?!..

– Я знал о том, что ты, Кайя и Борей, а также Ратибор подменили свою кровь, отданную Йорун перед Металлической Охотой. Понял, что мне необходимо раздобыть новую, чтобы сохранить тебе как можно больше памяти, и сделал это: в последние секунды перед своей смертью я успел наполнить не приметную капсулу каплей твоей крови – Йорун нашла её сжатым в моей руке... Я не знал, что всё будет так. До тех пор, пока не вернулся к жизни, я думал, что

ты будешь возвращена так же, как и остальные... Когда же узнал, смирился с благодарностью за таковой исход. Значит, так нужно...

– Нет, так не нужно!

– Нет, Диандра, нет... Я каждый день и каждую ночь, все девять месяцев – ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ?! – проводил вблизи твоего кокона. Когда кокон Банджи погиб, я потерял спокойствие: всё моё время и всё моё внимание были сосредоточены на твоём Перерождении...

– Что твоя безумная страсть наделала?!.. Что наделала...

– Диандра... – он прижимает меня к себе, пока мои пальцы до крови впиваются в найденный на полу осколок зеркала, обращают его в циркониевый... Кожа на моём лице ужасно щиплет от солёных слёз, попадающих на рану, так что плакать хочется лишь сильнее. – Диандра, душа моя...

– Я не должна существовать! Убейте меня... Слышишь?.. Убей меня...

Его всегда уверенный голос вдруг дрогнул:

– Пожалуйста, не говори так...

Услышав очередной отказ – какой по счёту? – я резко вырываюсь из его рук и замахиваюсь: осколок зеркала в моих руках уже успел полностью обратиться из зеркального в циркониевый, так что я, конечно же, целюсь не в Багтасара – прямиком в собственное сердце. За сантиметр до разрешения моих терзаний, Райхенвальд, с испуганным вскриком успеваешь выбить из моей руки смертоносный для моего колотящегося сердца осколок...

– Что же ты творишь?! – он с металлической силой сгребает меня в свои объятия окончательно, и неожиданно... Сквозь собственные слёзы я не вижу, но по его резко вздымающейся груди, по его надрывному тону понимаю, что прямо у меня над головой он также вдруг сорвался на... Слёзы... – Не смей!.. Не смей покидать меня!.. Не смей!..

Мы рыдаем в унисон... Это поражает меня... Наверное поэтому – из-за своего поражения – я не пытаюсь вырваться из стальной хватки его душащих объятий... Багтасар Райхенвальд способен на слёзы?.. Это точно сон – в реальности такого быть не может!

– Если ты убьёшь себя, знай, что убьёшь и меня! Я знаю, что ты не желаешь мне смерти...

– Нет... Нет...

Не желаю... Я лишь хочу уйти от него – не убить его... Это разное... Для меня... Но не для него...

Он глухо произносит слова в мои волосы, в самую макушку, щедро орошая меня своими слезами:

– Если ты сделаешь с собой что-то, если навредишь себе, прервёшь свою выстраданную мной и тобой жизнь – я поступлю так же со своей жизнью! Слышишь меня? Я убью всех в этом Дворце, а после и себя, если ты...

– Нет... Нет...

– Нет?

– Я не убью себя... Нет... – я не могу стать причиной гибели всех обитателей Дворца, конечно нет... – Должен быть другой выход... И я найду его... Даю слово...

– Я так хочу тебе верить! – он сжимает мои плечи с большей силой.

– Верь... – я уже не рыдаю, лишь всхлипываю. – Моё слово нерушимо... Слово Диандры Рокс... Как слово Багтасара Райхенвальда... Нерушимо...

Он аккуратно берёт меня за голову обеими руками... Должно быть, хотел заглянуть в мои глаза, но, взглянув на меня, в эту же секунду вдруг замер с ошарашенным взглядом. Моё сердце сразу же обрушилось – что может быть ещё?! Ведь столько страхов уже пережито всего лишь за пару минут!

– Диандра... Твоё лицо...

Он сам протянул мне очередной зеркальный осколок...

На сей раз я не спешила увидеть своё отражение: страх оказался слишком велик... Неужели... Кожа слезает?.. Шрамы ужасно щиплят от слёз... Нет, я не переживу, если моя внешность обратится в ходячий скелет! Это ведь вечное мучение! Перед глазами вдруг всплыл образ Шакролина с прожжённой до черепа частью лица... Нет-нет-нет!..

Сильно дрожащей рукой я подношу осколок зеркала к своему лицу и сразу же замираю... Шрамы... Они... Стали затягиваться...

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что они заживают не самостоятельно – причина в моих слезах, попавших на них!

***

В итоге сумев прогнать Багтасара при помощи повторного произнесения клятвы о непричинении себе вреда, следующую час я провела перед зеркалом в ванной комнате: я в буквальном смысле умывалась собственными слезами... Плакать было не сложно – такого количества смешанной душевной боли в моей грудной клетке ещё никогда не существовало в один момент, – сложнее было размазывать слёзы по лицу раз за разом, раз за разом, пока на коже не осталось ни единой чёрной полосы... Розовыми от выплаканных слёз глазами я долго осматривала всё своё тело и спереди, и сзади, каждый сантиметр – никаких шрамов или изъязнов больше так и не нашла... Пока крутилась у зеркала, в моей затуманенной ужасом голове кружили лишь панические вопросы в своей крайней степени восклицания: “Что он наделал?!.. Что мне делать?!.. Что будет дальше?!.. Что бы сделала та Я, которая смогла вырваться?!.. Я действительно не должна существовать?!.. Почему Я существую?!.. Я должна существовать или должна прекратить это существование?!.. Может быть, ещё не поздно всё исправить?!.. Как исправить?!.. Как отменить?!.. Куда бежать и к кому обращаться?!.. Борей и Кайя действительно ушли?!.. Куда и где они?!.. Они не могут или не могут быть в разных местах?!.. Теона смогла выбраться и всё ли в порядке с её беременностью?!.. У меня есть отражение в зеркале, значит, я *настоящее* живое существо?!”. И заново, круг за кругом: “Что он наделал?!.. Что мне делать?!.. Что будет дальше?!.....”.

Глава 7

Умывание слезами. Приём горячего душа. Переодевание в самое удобное из всех корсетных платьев в моём гардеробе: бело-серое... Рассвет. Принятие подноса с завтраком из рук до дрожи напуганной служанки... Сэндвичи со скрэмблом, яблочный сок...

После приёма пищи легчает. Мысли не проясняются, но эмоциональное спокойствие приходит. Я всё ещё не понимаю, что мне делать... Возможно, не до конца, то есть не до самой глубины осознаю, что именно со мной произошло... В своей голове я представляю Диандру... То есть... Себя... На каком-то корабле или, быть может, на шаттле, в этот момент подлетающем к Европе, но вдруг понимаю: с момента Металлической Охоты прошло девять месяцев – так сказал Багтасар, – значит, Диандра – я! – давно добралась до... До куда-то... Может быть, до Рудника, о котором говорили европейские Металлы, а может быть... Ещё куда-то. Она – я! – сейчас живёт – живу! – далеко отсюда, свободную, новую жизнь с Бореем и Кайей... Почему-то я не сомневаюсь в том, что я – она! – уже смогла найти Кайю, где бы та ни была...

Из спутанных мыслей меня вырывает стук в дверь, которую я не закрывала на замок ибо зачем? Зачем закрываться на замок, если тебя даже из-под земли достанут, даже с того света вернут, даже раздвоят, но не оставят в покое...

– Открыто, – я думала, что мой голос прозвучит бесцветно, но неожиданно из моего рта вырвалась интонация уверенного в себе бойца. Да, я боец... Диандра Рокс... В любом состоянии, в любом из вариантов себя...

В комнату входит Йорун. Та самая Йорун, которую все эти годы я считала своей подругой, насколько дружба с Вампиресками возможна, и которая, вторя безумию Райхенвальда, сделала всё то, благодаря чему я теперь сижу на этом стуле, в этой комнате, перед этим столом, в этом платье...

Старуха останавливается посреди комнаты, напротив давно погасшего камина. Я смотрю на неё в упор, когда произношу вопрос, терзающий меня все часы моего пребывания в сознании:

– Что вы наделали?

– Лишь то, что было предписано.

Хоть кто-то мне ответил... Но, видимо, от переживаемого шока, я не прониклась смыслом этих слов. Мой голос продолжает звучать монотонно:

– Я тень себя.

– Ты отдельное существо, и скоро ты начнёшь *это* понимать.

– Да пошла ты.

– Ты можешь злиться. Но ты знаешь, что эта злость не облегчит тебе жизнь.

– Да уж куда там...

Перед тем как произнести следующие слова, Йорун впадает в секундную заминку...

– Ты что-нибудь помнишь о матери Тиары, Кейары и Банджи?

– Русская Катерина, бывшая лучшая подруга Марен Блекмур – всё, что знаю. Дай угадаю, вы и её вернули к жизни.

– Не совсем так. Она сама вернулась.

– Что это значит?

– Мы думали, что она мертва. Но оказалось, что она инсценировала свою смерть и таким образом бежала из Дворца.

– Подробности, Йорун. Мне нужны подробности. Каким образом можно инсценировать свою смерть так, чтобы мои останки не заволокли в твоё подземелье, в котором ты выкачаешь из них все соки?

Она тяжело вздыхает...

– По до сих пор бывшей у нас версии, Катерина умерла за пределами купола: пошла в поход в компании Зефа, сорвалась в лаву вместе с конём... Мы поверили, так как под куполом у неё осталось трое детей – какая мать бросит своих детей?

– Очевидно, отчаявшаяся.

– Тиара тоже здесь.

– С учётом того, что она была мертва, это неудивительно, верно? В этом Дворце сейчас каждый второй восставший...

– Тиара не была мертва.

– Что? А это ещё как... Погоди. Тиара не смогла обратиться в Металл – умерла в процессе, тело захоронила Тофа...

– Я тоже так думала. Все думали, пока Тиара не вернулась во Дворец вместе с Катериной...

Ещё одна успешная инсценировка смерти... Да у женщин этого рода определённый талант... Мне нравится. Интригует... Нужно бы пообщаться, может даже что-то перенять...

– Моё уважение, – хладнокровно хмыкаю я. – Я десять лет пыталась сбежать и не смогла, а эти двое вон как... Одна сбежала до меня, вторая выросла на моих глазах и тоже сбежала... До сих пор я думала, что из удачливых здесь жила только Рея.

– Рея также вернулась. Она и пришла в компании Катерины, Тиары и ещё двух парней...

Рея вернулась?.. Та самая Рея, которая так жаждала сбежать раз и навсегда?..

– Не понимаю, – мои брови машинально сдвигаются к переносице. – Зачем же они все вернулись, если так стремились прочь и, более того, им удалось выбраться из-под купола... Зачем? – я искренне не вижу вариантов...

– Дар Тиары – видеть свершившееся. Она увидела битву на Металлической Охоте и рассказала Рее. Рея вернулась, чтобы спасти свой дом, своего отца... Катерина и Тиара вернулись, чтобы спасти Банджи и Кейару...

Облажались все. Багтасару не нужна помощь Реи. Банджи больше нет. Кейара ушла... Ку-ку всем добровольно зашедшим под купол. Ку-ку!..

Я едва сдерживаюсь от истерического смеха... В голове бардак... Теперь я могу сбежать смело – не боясь за судьбу Борея и Кайи... И пусть Багтасар всех тут перебьёт, как пообещал – как же плевать! Ведь плевать?..

– Сейчас состоится суд над Джодоком, Катериной, Тиарой и всеми вернувшимися к жизни...

– Всеми?

– За исключением тебя.

– Плевать. Пусть Багтасар собственными руками открутит мне голову, раз уж приложил руки к тому, чтобы насадить её на эти плечи...

– Диандра, я пришла с просьбой... – ха, как нагло и как смело! – О том, чтобы ты повлияла на результаты суда.

– Я?.. – мне почти интересно.

Видимо, поняв моё около истерическое состояние по моим нездорово блестящим глазам и блуждающей улыбке, Йорун подходит ко мне ближе и вдруг кладёт свою морщинистую руку поверх моего сжатого левого кулака, покоящегося на столе: я с неоднозначной эмоцией начинаю сверлить взглядом эту картину, в то время как старуха безуспешно пытается найти со мной зрительный контакт.

– Багтасар помешан на тебе настолько, что возвращать его в этот мир без тебя было бы неоправданной жестокостью.

– Оправданная жестокость существует только для подонков.

Фактически, я обозначила собеседницу подонком. Но её это не задело. Я злюсь, и она относится к моему состоянию с пониманием, что то ли успокаивает меня, то ли злит ещё сильнее...

– Ты знаешь Тиару. Знаешь, что она хорошая девочка. Катерину знаю я. Она недурная. Если на суде встанет вопрос о жизни и смерти: пожалуйста, вступишь – попроси Багтасара сохранить жизнь матери и дочери.

Интересно, она сказала Тиаре и её матери, что поговорит со мной? Наверняка так и было...

– Он уже многие жизни не сохранил тем, о ком я просила.

– Но бывало ведь, что и сохранял... – следующие слова Жрица произносит с придыханием, наконец мудро убрав ладонь с моего сжатого кулака: – Он так ждал тебя... Боялся потерять больше, чем собственную жизнь... Если ты выступишь с просьбой на суде, это будет твоим первым желанием после Перерождения, первой просьбой, обращённой к нему...

– Уходи, Йорун.

Она недолго медлит: направляется к двери уже спустя пять секунд.

Перед тем как открыть дверь, произносит смиренным тоном:

– Суд состоится в течение часа... Если ты придёшь. Все уже ждут... Многие на грани. Пожалуйста...

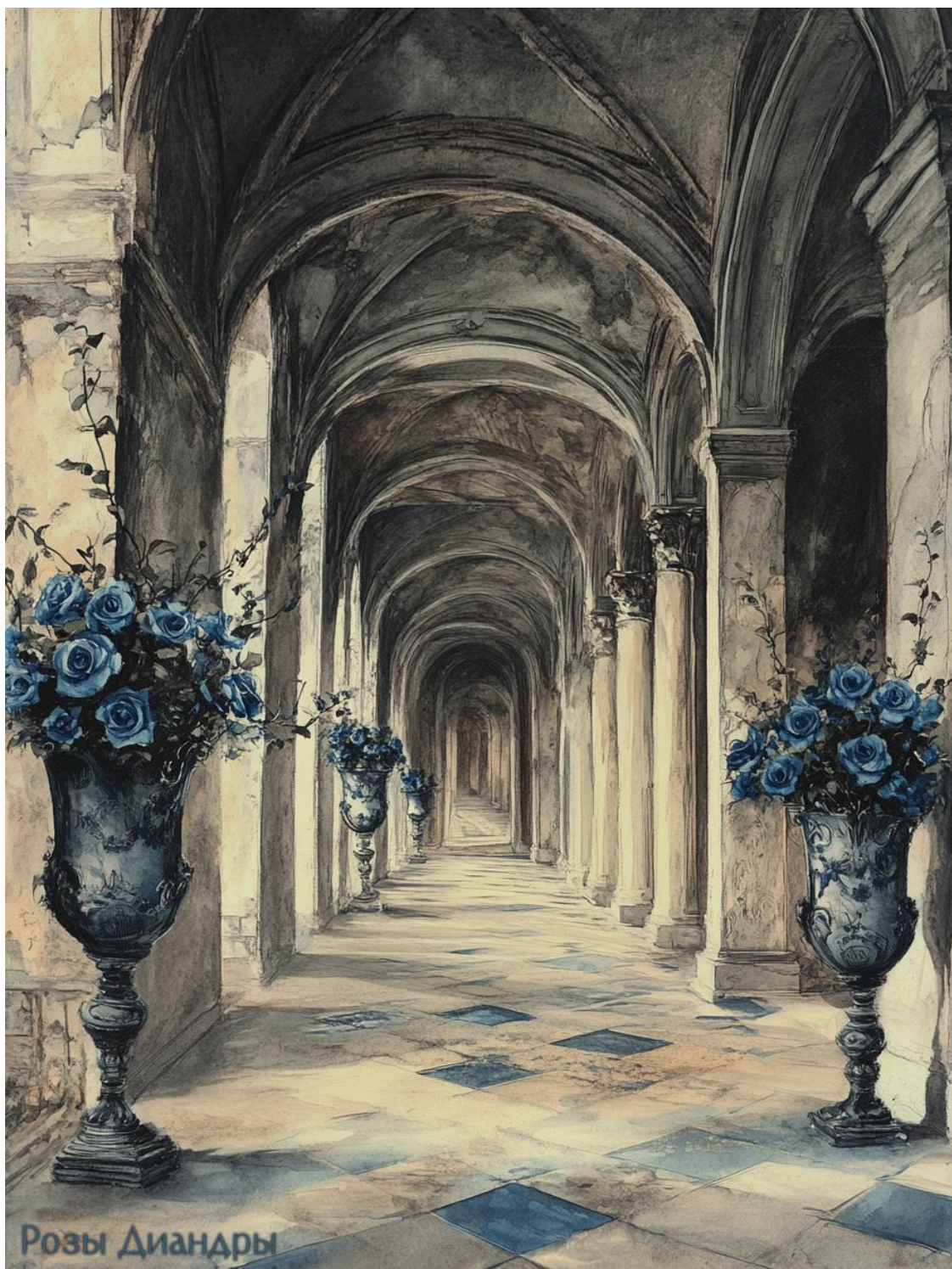
Она уходит, не договорив своё отчаяние. Она боится... Значит, казни предвещаются. Явлюсь в зал суда – кого-то снова казнят, да ещё и на моих глазах. Не явлюсь – оттяну момент, чем только изведу приговорённых, однако в конце концов все казни всё равно состоятся... Какая мне разница? Пусть казнят и перерождают друг друга сколько их душам угодно! Однако... Перед глазами вдруг вспыхивает яркая картинка давно минувших лет: трое детей – Тиара, Кейара и Банджи – бегают вокруг ослабленной Кайи в желании развеселить её – мы ещё не знаем, что попали в роковую ловушку... Судьба Кейары теперь туманна... Банджи погиб бесповоротно... Из трёх весёлых, добродушных, храбрых детей осталась только Тиара. В этот страшный для неё час она нуждается в моей помощи, кем бы я сейчас ни являлась, а значит...

Глава 8

Я захожу в переполненный беспокойными сердцебиениями зал суда: скольких здесь перекосили и людей, и Металлов? Больше, чем помиловали...

От моих покоев до этого треклятого зала, на стене которого уже одиннадцатый год висит обезглавленное и давно покрывшееся пылью тело Марен в сером платье, идти далеко, но только если человеческим шагом: я двигалась немногим быстрее человека, так что добралась скоро.

Как перед всяким судом, Дворец словно вымер: ни единой души ни в коридорах, ни за закрытыми дверями – те слуги, которых не согнали в зал суда, сейчас жмутся на нижних этажах в своих тесных комнатках в надежде, что их этот кошмар не заденет. Я бы тоже предпочла остаться в своих покоях вместо того, чтобы копить в своей голове воспоминания о расплавленных телах и отрубленных головах, но из-за того, что в прошлом мне несколько раз удавалось спасти некоторые бедовые головы, я не могу позволить себе роскошь отстранения.

В коридорах Дворца – на каждом шагу! – расставлены вазы и развешены кашпо с теми самыми ярко-синими розами, которые Багтасар вывел для меня в качестве показательного символа: ради меня ли или же одного моего внимания он способен обратить невозможное в возможное. За десятилетие моего пленения он проворачивал этот трюк по-разному, во всевозможных сферах, всегда новым манером – раз за разом делал возможным то, что всем казалось невозможным... В конце концов лично я стала квинтэссенцией его всеилия – он раздвоил меня... Всякий раз, когда я произношу эту фразу в своей голове – “он раздвоил меня!” – я до боли жмурюсь. Но сейчас на меня смотрит слишком много глаз, так что зажмуриться нельзя, поэтому я до боли сжимаю в своих кулаках материю своего платья...

Знакомые лица вызывают самые полярные эмоции. Многих я предпочла бы не видеть больше никогда: Отталия, Зеф, Джодок – последний в кандалах, что сначала сбивает с толку, но я почти сразу вспоминаю, что он натворил на Металлической Охоте, и непонимание мгновенно рассеивается... Вот он, тот, кого сегодня точно казнят. Есть ли смысл вступаться за это существо?.. Да, я эмпатична и способна простить даже законченного козла, при условии вычёркивания его персоны из моего пространства раз и навсегда, однако этого козла не вычеркнешь – все мы живём под крышей одного Дворца, – да и слишком уж много зла он причинил не столько мне, сколько обычным людям и за куполом, и под куполом... Зачем спасать такое дерьмо? Нет уж, тратить на него свои и без того расшатанные душевные силы я не стану.

Сольвейг и Розалия наверняка возвращены к жизни, однако на судах они никогда не присутствовали – разве что Сольвейг иногда захаживала похихотать в своём безумии...

Однако в этом зале присутствуют и лица, при виде которых моё сердце с болью ударяется о рёбра: Рений Рея Роул, Ванадий Тиберий Шакролин, Гадолиний Проктор Рокбриджер, Таллий Персефона Цамарали – Проктор и Персефона стоят так близко друг к другу, что соприкасаются плечами... При виде их я почти срываюсь на неожиданную ухмылку – должно быть, реакция на дружескую улыбку и лёгкий взмах руки от Персефоны, которыми она будто сказала мне что-то вроде: “Привет, я здесь, снова с головой на плечах, словно всего ужаса и не было!”.

Я останавливаюсь при самом входе в зал, не желая проходить вглубь толпы, рядом с рыжеволосой Аурелией, смотрящей на меня внимательным взглядом... Борей так долго и так глубоко горевал от её потери, что я всё же не выдерживаю и улыбаюсь ей, словно родной дочери, однако... Она не улыбается мне и даже хмурится, словно совсем чужая. Меня поражает осознание, когда я вижу в противоположной части зала ещё одну рыжеволосую красавицу, точь-в-точь такую же – передо мной вовсе не Аурелия! Это Рагнхильд, не сумевшая перевернуться в свой облик, потому как сдала Йорун кровь в облике Аурелии. Я отстраняюсь от неё, словно ошпаренная... Только секунду назад начавшее подниматься настроение от вида оживших и вернувшихся старых знакомых, резко падает до нулевого уровня: меня окружают враги и только, никто не на моей стороне и не со мной – с уходом Борей и Кайи только я у себя и осталась, и то, формально я тоже ушла...

Йорун подходит ко мне и скромным жестом руки указывает на место возле пустующего трона Короля. Я всегда там стояла – по правую руку палача, – однако сейчас не была уверена в том, что это может быть уместным, в конце концов, я не та же Диандра, что была здесь тогда, или... Или же та?..

Я выразила сомнение взглядом, на что Йорун ответила уверенно-утверждающим кивком. Что ж, сопротивляться в этом случае нет смысла: из центра лучший обзор, да и какой смысл тесниться в дверях?

Встав на привычное место, я продолжила осматривать присутствующих, особенно уделяя внимание незнакомым лицам. Рядом с Реей стоит два крупных парня – один атлетично сложенный, с длинными тёмными дредами и хмурым взглядом; второй более мягкого вида. Должно быть, этих парней Йорун упоминала, когда говорила о том, что Рея вернулась с компанией... Держу пари: тот, что с дредами, является её парой, а тот, что “помягче” и ликом, и телом, и взором – его брат, очень уж похожи они между собой.

Тиара стоит в углу зала. Внешне она точная копия Кейары, только я их никогда не путала. Кейара нежная, а Тиара дерзкая – по походке и вкусу в одежде не перепутать, как ни старайся: пока Кейара носила всё белое, Тиара не вылезала из чёрного – даже сейчас облачилась в чёрное платье, что, наверное, даётся ей с трудом, с её-то нелюбовью к юбкам.

Рядом с Тиарой стоит роскошная блондинка – наверняка Катерина, – с необычной внешностью: на первый взгляд определить возраст очень сложно – лет сорок, должно быть, – видно, что женщина увлекалась “искусственным” поддержанием красоты до того, как обратилась в Металл... Я подобного ещё не встречала, но выглядит она на удивление хорошо и даже притягательно, хотя и странно... Таких идеализированных “осиных” талий в природе не существует, губы заметно увеличены, грудь огромного размера, задница также выделяется... И всё же... Что-то в ней есть. Взгляд выдаёт не пустоту, но даже своеобразную мудрость, ну или намёк на оную...

Ещё одно неизвестное лицо располагается рядом с Тофой: длинноволосая блондинка с бледной кожей и потупленными изумрудно-серыми глазами, миловидная, однако же и не писаная красавица, средней высоты, со стандартной фигурой – очень меланхоличный образ и смиренная энергетика... Что-то в ней будто бы присутствует отдалённо знакомое мне, но что?.. Никак не могу уловить.

Багтасар входит в зал, и в этот же момент все металлические сердца, включая моё сердце, перестают выдавать бой. Теперь оглушительно громко ведут себя только человеческие сердцебиения – присутствующие слуги гадают, обойдётся ли в этот раз без кровопролития среди людей или же будет как три года назад перед началом одной из самых кровопролитных Металлических Охот в истории Триединого Королевства...

***

Суд начался с очевидного дела: казнь Джодока могла не казаться неизбежной только слепцу. Впрочем, этот парень удивительно долго пожил с разумом глупца – за девяносто три года жизни так и не обрёл ни крупицы мудрости: нарывался все шестьдесят лет металлической жизни, грезя о короне для своей пустой головы; поднял кинжал против неприкосновенной избранницы Короля; в конечном итоге вонзил в сердце Короля смертоносный кинжал. И одного пункта из списка его прегрешений достаточно для казни, он же умудрился собрать пёстрый букет... Я даже не смотрела в его сторону: заступничество было бесполезным. Но, как оказалось, бесполезным оно казалось не для всех...

В момент, когда Багтасар озвучил приговор Родию – расчленение на шесть частей, частичное расплавление в лаве и подвешивание туловища рядом с останками Церий, – Рея внезапно не выдержала и, вскрикнув, вышла в центр зала, таким образом закрыв своей тощей фигуркой шокированного Джодока. Адэйр хотел тут же встать рядом с ней, но Эспен вовремя придержал брата...

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Казнь, казавшаяся неизбежной, встала под сомнение. Рея в буквально стала выпрашивать у Багтасара жизнь единокровного брата. Её спич был коротким: “Умоляю о пощаде для Джодока! Каким бы он ни был, он и Рагнхильд – всё, что осталось мне от моего кровного отца”. Багтасар отказал. И тогда Рея пошла ва-банк. Она предложила за жизнь Джодока свою собственную. Не целиком, нет, конечно – одно столетие. Багтасар согласился. В итоге мы стали свидетелями двойного ритуала. Прежде я никогда не видела, как Багтасар использовал Метку Череполома, так что это было для меня интересным... Положив руку поверх руки Реи таким образом, что ладонью объял её хрупкий локоть, Багтасар “перевёл” на кожу её руки большую чёрную татуировку в виде черепа с проломлением в области третьего глаза – Метка Череполома – под челюстью которой запечатлелось число 100, означающее срок, по истечении которого татуировка должна будет исчезнуть. Пока Багтасар ставил метку, он читал монотонно-отчётливым тоном: “Метка Череполома нерушима – и даже собственное сердце вырвет её носитель по приказу своего господина. Господин – Король, Королева и общие чада их...”, – его рука, удерживающая руку Реи, пугающе набухла сетью металлических вен... Смотря на происходящее, я даже начала опасаться того, что его вены могут взорваться от высокого давления... Рея была бледна, но взор её был уверенным, не выдающим боли, хотя я видела, как от её руки исходил пар – словно её кожу прижигают.

Джодок получил Метку Череполома без цифры – пожизненную. То есть... Пожизненное рабство: “...и даже собственное сердце вырвет её носитель по приказу своего господина”. Теперь всё, что ни прикажет ему Багтасар, он должен будет исполнить, в противном случае – метка пожрёт его плоть и разум за считанные часы. Но на этом Багтасар не остановился. Он приказал Рее, уже неспособной ему отказать, поставить на вторую руку Джодока то, что он назвал “кольцом Реи”. Взяв Джодока за чистую руку, своим прикосновением Рея организовала ему ещё одну татуировку – тонкое кольцо вокруг запястья. Кольцо Реи накинуло ещё одну цепь на старшего Роула: в случае, в котором он ослушается Рею – он утратит свою металлическую суть, обратится в человека и, соответственно, в конце концов умрёт человеческой смертью.

Багтасар сказал Джодоку не забывать о великодушии его нелюбимой сестры Реи, проявленном на фоне трусости его любимой сестры Рагнхильд: старшая, в отличие от младшей, не вступилась за него из страха за собственную жизнь. Мне это показалось не очень справедливым взвешиванием категорий: Рагнхильд только что вернулась к жизни, в то время как Рея не умирала, а значит, страха перед состоянием смерти не имеет такого, каким теперь обложена Рагнхильд. И к тому же, Рея ходит в любимчиках Багтасара – мне порой кажется, что он не убьёт её, даже если она врежет ему пощёчину, – в то время как Рагнхильд в королевских глазах хотя и талантлива, и толкова, всё же не драгоценна. Да, Рагнхильд больше любит Джодока, чем Рея, ведь они практически не разлей вода были на протяжении всей их запутанной жизни, но... Кому захочется умереть дважды?..

На этом суд над Джодоком закончился. Приговор: сто лет послушания от Рения и пожизненное рабство для Родия. С учётом того, что Рея заиклена на Адэйре, о чём я пока не знаю, но о чём прекрасно знает Багтасар, Король только что получил в свою тeneвую армию не одного верного воина – Адэйр от Реи не отойдёт ни на шаг, а значит, также будет верен Багтасару как минимум на протяжении одного столетия. С учётом же того, как сильно Эспен привязан к своему старшему брату – выигрыш получился утроенный.

Следующими перед королевским судом предстали Диспрозий Тиара Джумарейо и Европий Катерина Капканова. Их обвинение было едва ли легче обвинения Джодока. Да, смертонос-

ный клинок в сердце Короля они не вонзали, однако же, каждая воткнула по предательскому острию в спину своего повелителя, даровавшего им их металлические жизни. Катерина инсценировала свою смерть самостоятельно, но не Тиара. Ситуация матери и дочери быстро усугубилась, когда выяснилось, что в побеге с инсценировкой смерти последней помогла сознавшаяся в своей причастности Тофа. Я уже и забыла о том, что Тофа носит фамилию Гриммарк и является единственной дочерью главного архитектора Дворца. Долгие годы Вампирески искали в библиотеках и тайниках сохранившиеся чертежи Дворца, созданные рукой Гриммарка – Багтасар лично знал о том, что во Дворце существует сеть тайных ходов и подземных лабиринтов, однако же чем больше времени проходило, тем глубже это знание утверждалось в состоянии легенды... Оказалось, что всё это время чертёж был “ходячим”. Тофа была совсем мала, когда её отец заканчивал строительство Дворца, и, конечно, не могла запомнить ничего существенного из его трудов, но... Никто не учёл, что её память после обращения в Металл восстановилась до сверхчеловеческих возможностей. Она вспомнила чертежи, увиденные в глубоком детстве, в своей голове восстановила обрывочные знания, долгие годы составляла карту и открывала новые уголки... Теперь ей известны многие секреты Дворца и прилегающей к нему территории – тайные ходы, подземные лабиринты, шифры и тайники... Она помогла бежать Тиаре, когда та обратилась к ней. Всё закрутилось слишком быстро: тройной обман Короля, сговор, сокрытие данных – хуже обстоятельств не придумаешь! Я не заметила, как у меня начало колотиться сердце: и Тиара, и Тофа всё моё пребывание среди Вампиресок были близки моей семье – не до конца, конечно, но кто как мог... Мне и Джодока-то стало жаль, когда я услышала вынесенный ему ужасный приговор, а здесь эти двое...

Я обратила внимание на Зефа – он не Рея, за родную кровь даже не думает вступаться, только отводит взгляд в сторону, не отступая от своего ампула конченого предателя...

Неожиданно из шеренги Металлов вновь выходит Рея. Точнее, пробует выйти – Адэйр непоколебимо удерживает её за руку, поэтому она начинает говорить, стоя полубоком и обращаясь напрямую к Багтасару, явно желая опередить приговор:

– Багтасар... Багтасар, Катерина и Тиара сглупили... Да, они действительно пошли против твоей воли, но они же вернулись вместе со мной, чтобы спасти *нашу* семью от пришлых Металлов! Как и Тофа...

– Молчи уж, Рений, – одёргивает строптивую дочь Райхенвальд, стоящий посреди зала, в трёх шагах перед склонившими головы Тофой, Тиарой и Катериной. – Для твоего свободолюбия и одной метки достаточно.

– Но...

– Всех не спасёшь, – он рыкнул настойчиво, – на тебе столько чистой кожи для меток нет.

– Ещё есть... – Рея едва ли не вступает в конфронтацию, но Адэйр вовремя одергивает её.

– Нет, – парень так резко дёргает Рею за руку, что она сразу же оказывается рядом с ним.

Багтасар произносит на выдохе:

– Ну наконец и на тебя нашёлся сдерживающий фактор, – он потирает глаза пальцами, будто устал от бессмысленных прений. – Катерина и Тиара, раз уж выдали себя за умерших, так и оставайтесь же мёртвыми... – стоило ему произнести эти слова, как среди Металлов прокатилась волна испуганных возгласов; Рея, удерживаемая Адэйром, даже подпрыгнула... – Тофа, за предательство королевского доверия, ты будешь...

– Мой Король, – я произношу своё обращение к Райхенвальду даже не осознавая, что действительно эти слова принадлежат мне, что я уже стою не у пустующего трона, а подле его правой руки, что я действительно здесь и сейчас присутствую... Не ради себя – ради тех, кому я нужна... Не до конца понимая, что делаю, я вдруг беру Багтасара за руку и в следующую секунду поднимаю свой взгляд, чтобы дальнейшие слова сказать, глядя прямо в его глаза: – *Наша* семья объединилась... – *Наша?!* Вот это я называю качественным бредом! Впрочем, я не вру и не играю. Просто говорю, не фильтруя мысли – всё, что придёт на язык: – Порождённые

твоей рукой Металлы, твои дети, сами вернулись в отчий дом. Это светлый праздник. Давай же не будем его омрачать... Отметим начало Новой Эры твоего правления и процветания Триединого Королевства прощением тех, кто в нём нуждается.

Поразительно, но... Багтасар сию же секунду сменил гнев на милость. В его голове словно какой-то невидимый рубильник щёлкнул: суровый чёрный взгляд резко потерял всё своё напряжение... Уже не глядя на меня, он взмахнул свободной от моей ладони рукой, при этом произнес слова: “Ладно... Да будет так, как тебе угодно”.

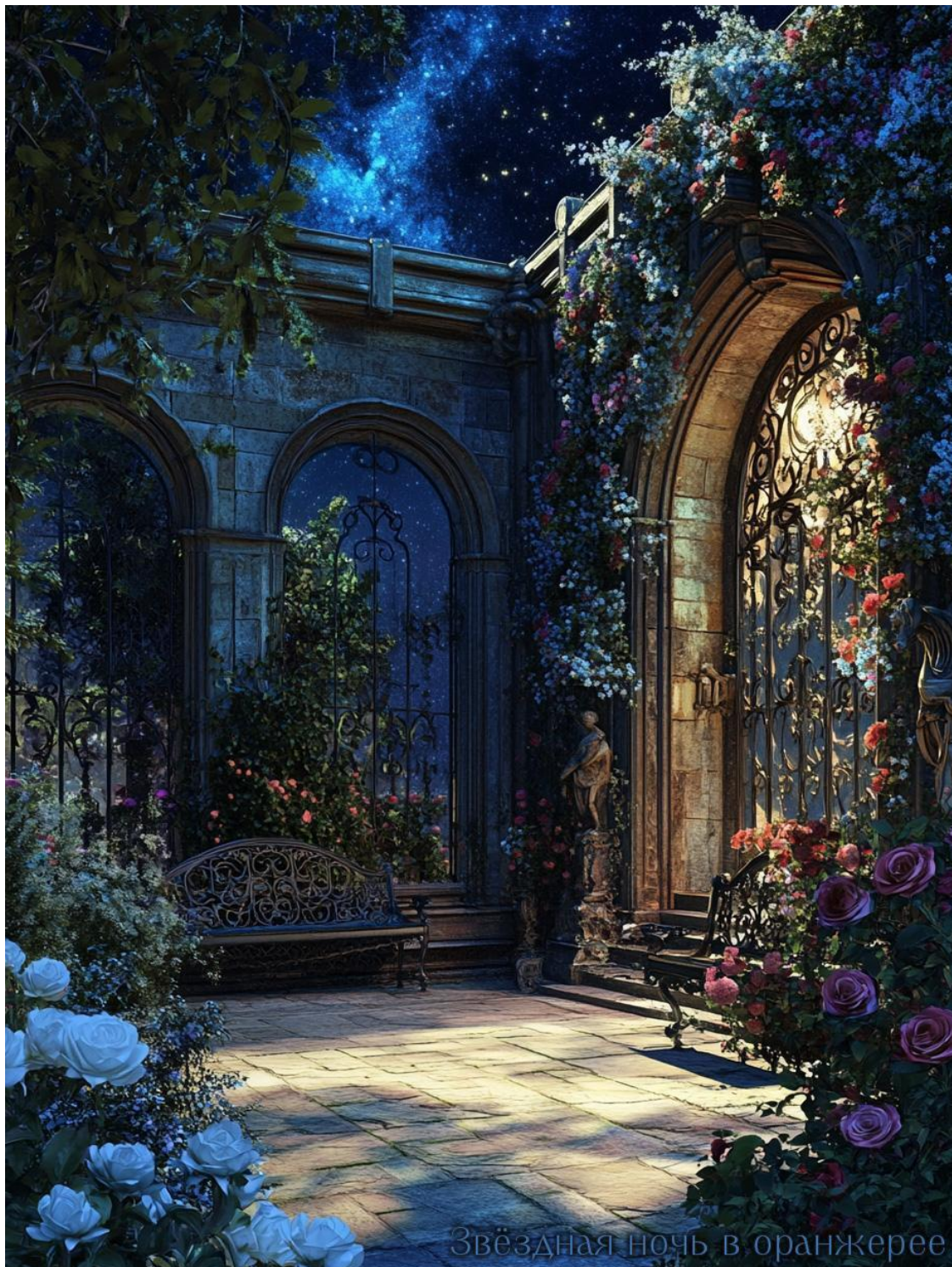
Катерина и Тиара получили королевское прощение, но с испытательным сроком: оступятся за последующее десятилетие хоть раз и будут казнены без промедления. Что касается Тофы: отмена казни, но с обязательством выдачи тайных чертежей Гриммарка. Джодока вместо подземелья сослали с привилегированного этажа на нижний – из металлической роскоши ему остаётся только его нетленная жизнь да свобода передвижения под куполом.

Когда с разбором дел отдельных представших перед судом личностей было покончено, Багтасар взялся за общую массу. Для начала все успешно прошедшие обряд Перерождения Металлы, стоя на коленях перед Королём, выдали клятвы верности Багтасару Райхенвальду и королевской семье. Далее началось самое продолжительное действие – Перерождённые Металлы по очереди передавали Багтасару свои дары. Подношение даров Королю продлилось двадцать часов: Дикая выкачала слишком много энергии из Райхенвальда, так что теперь он с уверенностью наполнялся, словно жаждущий заряда аккумулятор... С меня, а также с Йорун, Тофы, Аурелии, Реи, Адэйра и Эспена дары не были востребованы. Всё то время, пока Металлы питали Багтасара своими дарами, я сидела справа от его трона и наблюдала за этим странным действием с таким интересом, словно и эта информация может мне помочь, пусть даже я пока не знаю, каким образом...

Незадолго до рассвета, когда Багтасар *на время* покончил с ритуалом, Вампиресками был поднят вопрос об употреблении крови: клыки остались у всех при отсутствующей жажды, однако, как известно, “наркотик крови” усиливает металлические дары... Вопрос вынесли на голосование. Немногие проголосовали за то, чтобы снова начать употребление крови. Проголосовавшие против – я в их числе – оперировали тем, что европейские Металлы одержали над *нами* верх и без употребления крови – конечно, шаткая причина, так как теперь я понимаю, что у Вампиресок изначально был мотив стать проигравшей стороной, и всё же...

Металлы Триединого Королевства больше не будут употреблять ни человеческую, ни животную кровь – разрушенная зависимость не будет восстановлена даже во имя усиления даров. Решение Короля.

Глава 9 Рений Рея Роул

Ночь глубока и тиха, до рассвета недалеко... Суд со всеми церемониями закончился пятнадцать минут назад. Я вышла в сад, чтобы подышать. Прежде мы с Адэйром никогда не ссорились, сейчас же он рвёт и мечет от ярости: как я посмела так поступить с собой?! Как посмела

так поступить с ним?! Сто лет службы Райхенвальду – это больше, чем даже мне сейчас лет! Мне всего восемьдесят один год, Адэйру тридцать пять – мы даже ни одного столетия ещё не прожили, а я уже заложила одно, словно речь не о ста годах, а всего о ста днях! Адэйр в шоке. Если честно, я тоже в шоке... Моё свободолюбие сейчас внутри меня упало в обморок. Я пока не знаю, что меня ждёт и как извиняться перед Адэйром, не знаю, что уже через полчаса он сам поспешит извиниться передо мной, утешить, убедить в том, что всё будет в порядке и мы со всем справимся... Мы действительно со всем справимся. И как красиво! Однако сейчас я этого не знаю, так что переживаю одну из самых мощных эмоциональных бурь за восемь десятилетий своего существования в этом мире...

Мой взгляд гипнотизирует благоухающие ночами синие розы Диандры, когда я начинаю различать шаги за своей спиной. Повернувшись полубоком к неслучайным прохожим, я вижу на гравийной дорожке Джодока и Аурелию... Сложно привыкнуть к тому, что давно павшие друзья вернулись к жизни, но ещё сложнее воспринимать Рагнхильд в облике Теллур.

Первой начинает говорить Рагнхильд:

– Казнь Джодока казалась неизбежной... – она осеклась.

Они оба не знают, что сказать. Ещё бы... Столько лет попыток сгрызть меня и вдруг на тебе: не только не сгрызлась, так и не ответила той же монетой.

Подходящие слова находятся у меня:

– Может быть, отец и не любил вас, но смерти он вам точно не желал. Вы были одиноки в отцовской нелюбви, я же была одинока в его любви. Разница между нами в том, что у вас всегда были вы, у меня же всегда была только я одна: рядом ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры – никого. Быть может, я и есть всё наследие, которое вам осталось от Роула: никаких Дворцов изначально и не подразумевалось. И это наследие – я – последний рубеж, все эти годы сдерживающий Багтасара от рубления с плеч ваших безбашенных голов. Вот и всё наследство общего родителя: я вам – в защиту; вы мне – в урок. Думайте что хотите, беспочвенно ненавидьте за грехи общего отца, но умереть я вам, идиоты, очевидно, не дам, раз уж спасаю вас даже ценой собственной шкуры... – я раздражённо взмахиваю рукой, той самой, отмеченной Меткой Череполома, и уже собираюсь уйти, чтобы просить прощение у Адэйра, уже ищущего меня в своём порыве извиниться первым – Эспен напомнил ему о том, что значит семья, – однако... Рагнхильд-Аурелия вдруг сорвалась с места и, на металлической скорости сократив расстояние между нами, вдруг с металлической силой обняла меня. Недолго думая, Джодок присоединился...

Никогда не любила тактильные контакты и особенно затягивающиеся объятия, а с учётом того, что эти двое всегда были почти на две головы выше меня, первые секунды я чувствовала себя крайне дискомфортно, но Джодок, давящий меня с левого бока, вдруг заговорил прямо мне на ухо:

– Прости, сестра... – его голос прозвучал сокрушённо. Я слегка приобняла его в ответ...

– Мы одна семья, – голос Рагнхильд выдаёт её слёзы, которых я не вижу. – Одна кровь...

Если бы не ты... – она срывается.

– Всё в порядке... – в попытке утешить тех, кто все годы моей жизни видел во мне кого угодно и даже врага, но не сестру, я замечаю, что мой голос слегка дрожит... – Всё в порядке... Все живы...

Все живы...

– Я в долгу перед тобой, – Джодок тяжело дышит.

Рагнхильд вторит:

– Мы в долгу.

– Ничего... Разберёмся, как тебя реабилитировать, – я слегка сильнее сжимаю Джодока, после чего обращаюсь к Рагнхильд. – И придумаем, как вернуть тебе твой облик. У нас ведь целая Вечность впереди...

Расчувствовавшиеся родственники, наконец поняв, что я не особенно в восторге от объятий и столь резких выражений эмоций, слегка отстраняются... Рагнхильд клыкасто-хищно улыбается:

– Мне необходимо вернуться в свою внешность до того, как Аурелия прикончит меня. Так что речи о Вечности не идёт: у нас есть только трещащие по швам часы терпения Аурелии.

Увы, достаточно скоро выяснится, что Рагнхильд не преувеличила. Этим же утром я поговорю с Аурелией и убежусь в том, что лишь взаимная радость от нашей нежданной встречи сдерживает её от страстного порыва открутить башку моей старшей сестрицы... Что ж... Во Дворце сейчас находится больше темпераментных личностей, чем когда бы то ни было за всю историю его существования... Если стены этого дома в конце концов не треснут, значит, скучно, то есть безопасно, здесь никому точно не будет...

Глава 10

Диандра Рокс

После Перерождения Розалии её искусственный остров – тот самый, с которого девять месяцев назад Вампирески забрали европейских Металлов, – всплыл. Если говорить точнее: он не столько утонул, сколько “переместился”. Как сказала Йорун относительно данного события: “это сложная материя”.

Когда я очнулась в своей комнате, рядом со мной были Йорун и Тофа, и не было Багтасара. С учётом того, как страстно он желал вернуть меня себе любой ценой, факт его отсутствия в первые секунды моего прихода в сознание не мог не показаться мне странным. Выяснилось, что он был занят островом Розалии. Казалось бы: чем там заниматься? Груда камней посреди солёной воды, но... Оказалось, остров “поймал” сокровища: четырёх чужеземных Металлов! Сначала я испугалась, сразу же подумав о Теоне – я так сильно стремилась помочь ей на Металлической Охоте! – однако Йорун быстро развеяла мой страх, сообщив, что личности этих четырёх нам неизвестны: они наверняка были в составе колонны европейских Металлов, однако в Металлической Охоте не участвовали. Рагнхильд, бывшая в числе сопровождающих европейцев, утверждала, будто перед отплытием они просканировали остров и сердцебиений на нём не зафиксировали – Стронций уверена в том, что они вывезли с острова всех Металлов, однако... Что-то, очевидно, пошло не так. Возможно, дело в том, что двое из четырёх – девушка и парень – имеют серьёзные ранения в области сердец: раз всё ещё не умерли, значит, сердца напрямую не задеты, однако оба не приходят в себя, что может указывать на летаргический сон или же на обыкновенную отсрочку смертельного исхода. Ещё один парень и ещё одна девушка были “затонувшими” в склепе рядом с ранеными – получается, они находились на острове в момент его затопления. Эти двое пришли в сознание спустя час после того, как остров всплыл – отплевались водой, отдышались, поняли, что пленены...

Металлическая суть трёх из четырёх Металлов выяснена: находящийся в сознании парень – Золото; находящийся без сознания парень – Платина; пребывающая в сознании девушка – Франций. Ещё одна, пребывающая без сознания девушка – нечто странное в своей неопределённости: точный металл никак не устанавливается, однако Багтасар предполагает наличие в её крови частиц сразу двух металлов – серебра и платины, – что, как я до сих пор считала – но не Багтасар, – не может быть возможным.

***

Как только церемониальная часть суда завершилась и все были распущены, Багтасар, я, Проктор и Йорун направились в подземелье, чтобы “разобраться” с пленниками. Пришлось спускаться очень глубоко под землю – путь лишь частично был освещён редкими факелами с живым огнём, так что в основном приходилось ориентироваться по металлическому зрению и слуху. В конце концов мы зашли в тупик, увенчанный огромной, толстой дверью, выполненной из чистого вольфрама – одного из самых прочных металлов. Взять такую преграду может, разве что, Вольфрам, ну или же некто со сверхдаром, вроде Дикой и Багтасара, однако наши гости не подходят ни под один из пунктов. Девушка, вроде как, управляет тенями, а парень – светом: оба пытались применять свои дары против Багтасара, пока не поняли, что тем самым лишь усиливают противника. Что же касается беспробудных – по ним пока ещё неизвестность...

Тяжёлую дверь открыл Багтасар. За ним в темницу первой зашла я, за мной последовали остальные... Темница оказалась просторной, больше напоминающей глубокую пещеру, выдолбленную прямо в скале, без единого окна – только пара факелов и освещает беспрогляд-

ную темень... Койки выдолблены также прямо в скале, покрыты тонкими матрасами с пледами... Я думала, что здесь будет сыро и прохладно, но нет – сухо и температура не ниже пятнадцати градусов.

Посреди комнаты расположен большой каменный стол, на котором лежат двое. Ещё двое со скрещёнными на груди руками и с воинственными взглядами стоят в изголовье: по-металлически красивые оба, только парень высокий, массивный, златовласый с янтарными глазами, а девушка не из высоких, худая, с серыми глазами и коротко стриженными чёрными волосами.

– Не вижу выполненной нормы, – жёстким тоном первым произносит Багтасар, обращаясь к Золоту.

Я же тем временем подхожу к столу поближе, чтобы рассмотреть спящих, и сразу же замираю от удивления: черноволосая и белокожая спящая красавица откровенно похожа на Теону, только заметно более юная – Теона выглядит лет на двадцать пять, а эта девочка лет на восемнадцать-девятнадцать, не больше... Однако же не только её облик поражает меня: парень, спящий рядом с ней – едва ли не точная копия Рата, только заметно крупнее в плечах и, возможно, выше ростом!..

Насчёт парня я не знаю, что думать, однако относительно девушки меня озаряет: Тофа рассказывала, что перед началом Металлической Охоты Теона интересовалась у неё о том, не видит ли она духов неких Платины и Теи! То есть парня она назвала по металлической сути, а девушку – по имени! Теона – Теа – не одно ли и то же?! Точно! Уже на Металлической Охоте Теона в откровенном разговоре со мной упоминала о том, что у неё имеется дочь, однако имени её она не называла... Сомнений не остаётся: у нас ребёнок Беорегарда и Теоны! Багтасар, безусловно, наблюдателен, да и другие не слепы – должно быть, все уже отметили очевидную внешнюю схожесть, – и всё же я поспешно прихожу к резонному выводу: мне нельзя говорить вслух о том, что в наших руках сейчас находится дитя королей европейских Металлов, если только я желаю уберечь эту девочку...

Золото наконец отвечает на слова Багтасара:

– Ты не получишь ни грамма золота из моей крови.

Мой взгляд выхватывает из темноты правую стену: вдоль неё высятся ряды из кирпича – сотнями они тянутся вглубь пещеры... Понятно. Багтасар получил в своё распоряжение золотую жилу. Золото – единственный металл, обрабатывающий против Вампов, защищающий от Вампрагмы. Запасы золота во Дворце ограничены – их практически нет, так как почти всё бывшее в распоряжении Вампиресок золото уже давным-давно, ещё до моего появления в Триедином Королевстве, вывезено за пределы купола – на помощь смертным людям, живущим на заражённых территориях.

Багтасар на металлической скорости минует меня и в следующую секунду с той же металлической скоростью направляет лезвие кинжала прямо в сердце... В сердце спящего парня!..

***

Я не успела ничего понять! Если бы только успела – помешала бы кинжалу Багтасара совершить это убийство! Однако... Я здесь была не одна. Золото оказался более готовым к таким выпадам: он выставил свою левую руку вперёд, таким образом закрыв своим телом пространство у сердца своего друга. Кинжал Багтасара пронзил защищающую руку насквозь – остриё зависло в сантиметре от грудной клетки бессознательного...

Моё сердцебиение сорвалось на галоп...

Багтасар резко вынул кинжал из помешавшей ему руки:

– Ты ли только что сказал, что из твоей крови я не получу ни грамма золота? – с этими словами он поднял перед своим лицом кинжал, остриё которого уже наполовину обратилось в золотое и продолжало обращаться далее... – Я сказал тебе выполнить норму в сто золотых

кирпичей до моего прихода. Ты не выполнил. Что ж, твой выбор... Проктор, прикончи спящую девчонку: нож, познавший её кровь – в сердце; после – полное расплавление останков в лаве. Если к утру не будет двух сотен золотых кирпичей – этим же сценарием пореши спящего парня. Франций оставь напоследок – как стимул против расслабления.

В этот момент, совершенно внезапно, меня вдруг на несколько секунд ослепляет! Я успеваю зажмуриться и даже прикрыть лицо руками, однако словно из ниоткуда взявшийся свет настолько ярк, что даже прикрытие глаз руками мало помогает... Я не понимаю, что происходит, пока Багтасар не начинает устрашающе смеяться сквозь рычание:

– Мальчишка! Ты до сих пор не понял, как это работает?!

Свет резко гаснет... Сгущается искусственная темнота... Но и она поглощается... Я наконец понимаю: Золото и Франций попытались ещё раз применить свои дары – светорассеивание и тенерагуляция, – однако Багтасар всё поглотил!

– Проктор! – Багтасар теряет терпение.

Проктор подходит к девушке – Тее – с кинжалом в руке... Я уже почти не дышу, когда наконец решаюсь вмешаться:

– Подари мне их! – выпаливаю я и, видя, что Багтасар, бросив в моём направлении напряжённый взгляд через плечо, внимательно смотрит прямо в мои глаза, гулко дыша, продолжаю: – Прошу обоих спящих себе в качестве подарка в честь моего Перерождения!

Сначала он молчит... Проктор замер... Наконец, Райхенвальд отвечает:

– Ты можешь выбрать что-нибудь *более полезное*.

– Нет, я хочу их. Пусть их сохранённые жизни будут... Твоим подарком мне.

Мне кажется, я слышу неотчётливое клокотание рычания в грудной клетке отвечающего:

– Так и быть.

Я спешу принять подарок:

– Благодарю... Спасибо... И... Можно мне... Поговорить с нашими... Гостями? Наедине.

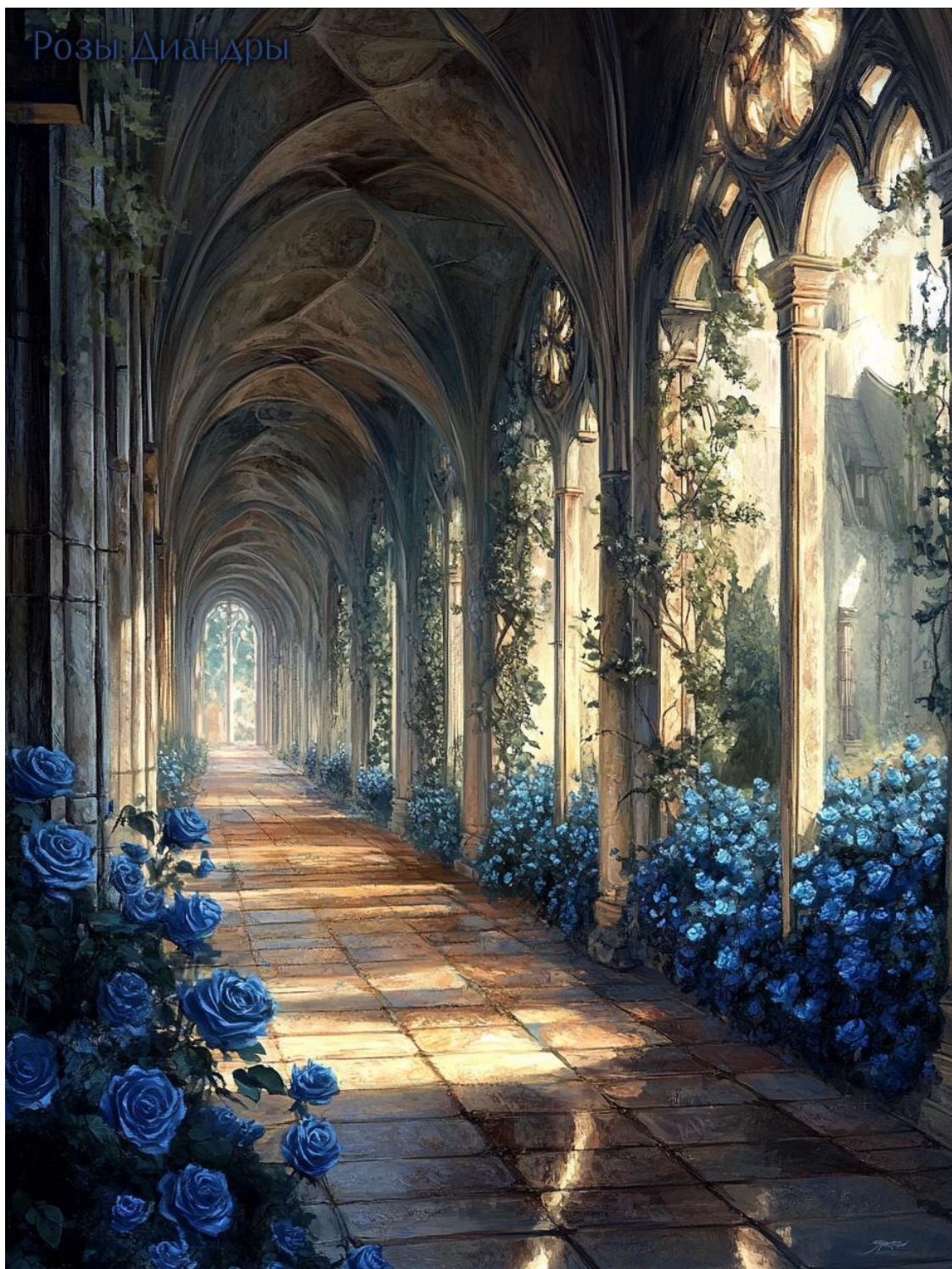
Я не думала, что он позволит. Скорее всего, он и не позволил. Все молча вышли за открытую дверь, но не прикрыли ведь её...

Стоило мне остаться наедине с шокированными пленниками, как я на металлической скорости приблизилась к ним впритык и зашептала, почти уверенная в том, что в этот момент меня слушают три пары дополнительных ушей:

– Багтасар возьмёт твою кровь всю до единой капли, если ты сам не отдашь часть, – я заглядываю в пылающие грозами глаза Золота. – Подумай о своих друзьях... – я резко хватаю Франций за её тонкую руку. Она смотрит в мои глаза испуганно. Ничего не говоря, я пожимаю её ладонь таким образом, чтобы она раскрыла её... На ладони девушки я указательным пальцем быстро вывожу слова: “Я помогу! Тяните время! Делайте золото! Много золота! И я помогу!”.

В последний раз обменявшись с пленниками красноречивыми взглядами, я спешу уйти до того, как моё молчание покажется подозрительным для тех, кто его всё это время слушал...

Глава 11

Покинуть подземелье и сразу же оказаться в цветущем летнем саду, залитом утренним солнечным светом, оказалось почти так же приятно, как после утомительного, промозглого дня принятие горячей ванны. В последние годы ночи и дни под куполом длились месяцами,

сменяя друг друга с опозданиями: как же приятно осознавать, что время суток вернулось в норму! Дело, конечно, в Розалии, а точнее, в её даре и неуравновешенности...

Заметив за собой прежде не присущую моему телу мерзлявость, я заметила в центре сада лавочку, стоящую впритык к древнему кипарису и при этом залитую солнцем – идеальное место, чтобы отогреться после прохладного подземелья... Однако стоило мне только двинуться в её направлении, как мои надежды на уединение пошли прахом: к моей прогулке решила присоединиться Йорун. Мы двигались медленным шагом, и прежде чем она успела что-либо сказать, я заговорила первой, сразу же задав ключевой вопрос:

– Европейские Металлы не оставили бы своих людей, – знание о том, что тем более они не оставили бы на произвол судьбы своё дитя, я опустила. – Они не просто сообщество – они *настоящая* семья. В их картине мира все стоит за одного, и один стоит за всех. В чём же причина того, что Золото, Франций и их спящие друзья остались без поддержки?

– Золото и Франций отщепенцы. Я уверена в этом.

– Предположим... Но в таком случае, что со спящими?

– Дикая что-то знала об их судьбе. В противном случае, они не были бы оставлены, даже если бы провалились сквозь землю...

– При чём здесь Дикая?

– Она одна из... – Йорун неожиданно резко запнулась, и в этот же момент я прочла в её взгляде испуг – она даже с силой закусилла нижнюю губу! Галлий повела себя так, словно едва не проговорила о чём-то более чем просто важном...

Настаивать на ответе было бесполезно, я это сразу поняла, так что продолжила разговор в другом русле:

– Ты сказала, что Золото и Франций – отщепенцы. Что это значит?

– У Тиары была пара видений насчёт их прошлого. Она утверждает, что незадолго до крушения их подводного судна, Золото поссорился с Платиной из-за двух девушек – он словно мстил за одну и заодно не мог смириться с выбором второй... Так или иначе, между Платиной и Золотом произошла стычка, в результате которой развернулся несчастный случай – пострадал не только Платина, но и та девушка, которая сейчас спит рядом с ним. Что же касается Франций – она, кажется, следует за Золотом: быть может, подруга, а быть может, влюблённая... В любом случае, спящая девушка дорога королевской семье Диес, так что теперь Золото, а вместе с ним и Франций, скорее всего, изгнанники, если не враги...

– Но если спящая девушка дорога королевской семье, почему же они не...

– Я уже сказала: Дикая что-то знает об их судьбе. Они не бросили своих – они оставили их там, где они должны находиться для того, чтобы история свершилась предписанным образом...

– То есть, девушка и Платина очнутся?

– Или умрут. Одно из двух.

Сложно... Йорун явно знает больше, чем говорит. Как и Дикая... Так? Так. Получается ли, что они обе работают с какой-то тонкой материей, которая доступна только им? Или же всё ещё сложнее, чем я предполагаю? Скорее всего...

Йорун продолжает говорить:

– Золото не желал для Платины и этой девушки такого исхода. Скорее всего, он вернулся на остров Розалии вместе с Франций в то время, в которое европейских Металлов на нём уже не было – они доигрывали последнюю партию Металлической Охоты. В склепе Золото с Франций угодили в ловушку, оказавшись в нём в момент смерти Розалии: их замуровало в момент ухода под воду целого острова. После Перерождения Розалии остров вернулся на место: Золото с Франций в итоге пришли в себя из захлебнувшегося состояния, а Платина с девушкой, которые были защищены воздушным куполом лишь потому, что лежали на жертвенном столе, так и не вернулись в сознание.

Я задумалась... До того, как европейские Металлы добрались до берега Триединого Королевства, в купол врезалась эвакуационная капсула с выжившими в кораблекрушении людьми – все они оказались парадизарцами. Некоторые из них упоминали о Золоте – статном златовласом парне с янтарными глазами, – так что Вампирески надеялись обнаружить его среди пришлых Металлов и очень огорчились, не найдя... Парадизарцев быстро иссушили изголодавшиеся по чистой крови Вампирески – в конце концов из них выжило, быть может, около десятка человек, – но о Золоте не переставали думать: такой прекрасный источник чистого металла для заражённых земель – скольких людей можно было бы защитить, взяв в обладание золотое руно?.. Теперь же, если верить видениям прошлого Тиары, причина отсутствия Золота среди европейских Металлов становится кристально ясна: роковая ссора, быть может даже случившаяся в результате благого гнева, приведшая Золото, а заодно и его спутницу Франций, прямиком в изгнание... То, как он защитил сердце Платины перед кинжалом Багтасара, указывает на факт того, что сам по себе Золото не злой, по крайней мере, смерти Платине не желает, значит, парень просто ошибся... Страшно ошибся. Быть может, он лишь перст Судьбы? Если Дикая, как говорит Йорун, действительно может знать больше остальных и потому оставила всю эту компанию отщепенцев здесь, значит, так должно было быть? И если злодейская роль Золота ключевая – так виноват ли парень в том, что искусно исполняет предписанную ему роль антагониста, на самом деле антагонистом как таковым не являясь? Быть может, его ошибки – и злые, и случайные, и всевозможные, – центральные, а значит, пойдя он против Судьбы, против изначально предписанной ему роли: остался бы в белом плаще и, может даже, в сияющем венце, да только остальные где были бы и были бы вообще? Быть может, все они до сих пор живы только благодаря тому, что Золото в решающие моменты поступил так, как поступил, то есть сделал то, на что никто из прочих не был способен. Зло не всегда только зло; добро не всегда только добро.

Мои мысли о чужаках обрываются при виде силуэтов Проктора и Персефоны, в глубине сада завернувших в тень тёмно-зелёного самшитового лабиринта. Я помню конец их истории, свершившийся десятилетие тому назад: Таллий была зациклена на Гадолинии, Гадолиний на Талии – нет. Сейчас они идут в обнимку, так, словно соскучились... Во время суда я дважды видела, как Проктор украдкой касался пальцами ладони стоящей рядом с ним Персефоны... Эта блондинка с роскошными бёдрами, как и в прошлом, на фоне синекожего и неотёсанного внешне мужлана с торчащими нижними клыками, выглядит по-особенному женственно: словно обработанный драгоценный камень, вложенный в шкатулку, кое-как выделанную из грубой скальной породы. Поразительно, с какой аккуратностью огромные ручищи Проктора умеют касаться тонких пальцев той, что смотрит на него, словно на последнего мужчину во всей Вселенной...

Видимо, заметив мой взгляд, проводивший Гадолиния и Таллий в затенённый лабиринт самшита, Йорун, сдвинув брови в задумчивости, хмыкает, при этом глядя себе под ноги:

- Зациклятся друг на друге.
- Вот как?
- Этой же ночью будут вместе, чтобы не расстаться впредь.

На моей душе почему-то сразу же становится хорошо от этой нечаянной новости. Словно я случайно узнала какую-то счастливую тайну, предназначенную для тех, кому уже давно желала счастья...

Я вспомнила об ещё одной интересной личности, прошедшей Перерождение: Индий Вирсавия Таль – та самая загадочная Металлесса, образ которой Тиберий Шакролин запечатлел в своём витраже с отрубленной головой. Всё, что я до сих пор знаю о ней: по мнению Персефоны, Вирсавия была одной из Вампиресок, достойной долгой жизни. Однажды Тиберий навредил ей своим даром: проник в её сны и внушил ей что-то, что привело её к гибели. По словам Теллур, Тиберий любил Вирсавию, и он же её погубил. И это немного тревожит

меня: Ванадий Тиберий Шакролин – один из немногих, кого я рада видеть среди Переродившихся. Хотя мы и были знакомы недолго, он за короткий промежуток времени сумел сблизиться со мной, и тот факт, что в его круг близких друзей всегда входили Рея, Тофа, Персефона и Аурелия, подтверждает мои положительные мысли и чувства на его счёт, однако... Перед своей смертью Персефона по-доброму отзывалась о Вирсавии, погубленной Тиберием: любил и погубил.

Я кошусь взглядом на Йорун – до того, как обратиться в прах, чтобы после переродиться, Тиберий проявлял к ней явные признаки повышенного внимания – любил? И она ему, кажется, отвечала душевными порывами...

– Почему ты так смотришь на меня? – не переводя на меня свой сосредоточенный на дорожке под ногами взгляд, вдруг интересуется Галлий.

– Расскажи мне о связи между Тиберием и Вирсавией: что привело к её обезглавливанию?

– Это давняя история... Случилась задолго до твоего прихода в Триединое Королевство. До того, как мы разобрались в том, что такое заикленность и по каким принципам она работает, одним из первых заиклившись Металлов стала Вирсавия.

– Она заиклилась на Тиберии?

– Но не он на ней. Между ними случилась всего одна ночь любви, после которой Вирсавия стала ходить за Тиберием. Ему было её жаль... Он всегда сильно комплексовал из-за своей внешности – надеюсь, Перерождение отбило у него эту ужасную уязвимость, – считал себя недостойным любви такой хорошей женщины, как Вирсавия... Так и не сумев принять её любовь и заподозрив в ней зависимость, он сглупил: решил избавить Индий от опутавшего её чувства. Пока она спала, Тиберий проник в её сон с целью добиться её освобождения от случившейся с ней любви. Однако он попал в кошмар, с которым было сложно совладать – в то время Тиберий только учился своему дару, был недостаточно силён в нём... В итоге Вирсавия очнулась от искажённого кошмара с полной уверенностью в том, что Багтасар лишил жизни Тиберия... Теперь я думаю, что, быть может, той ночью она видела вещий сон. В любом случае, безумная в своём горе, не отличившая сон от реальности Вирсавия той же ночью бросилась к Багтасару с целью лишить его жизни за привидевшуюся ей смерть Тиберия, в результате чего была обезглавлена тем, на кого напала в своём безумии...

– А потом... Тиберий полюбил тебя?

В ответ она дарит мне печальную улыбку:

– Прошли многие годы, Диандра... Он не предал память о Вирсавии, болел о случившемся с ней, хотя и начал смотреть на меня...

– Поэтому ты не отвечала ему взаимностью? Из-за его боли по Вирсавии?

Моя собеседница продолжает меланхолично улыбаться:

– Я больше, чем просто Галлий Йорун Оренвальд. Быть может, я даже больше, чем Верность Королю Багтасару Райхенвальду. Быть с кем-то для меня... Отвлекающе.

– Но по собственной воле не быть не с кем вечность – самоуничтожающе.

На сей раз она одаривает меня озадаченной улыбкой.

Я замечаю за дворцовой колонной Рею в компании Адэйра Шандроэна – они о чём-то разговаривают с Джодоком, Адэйр приобнимает Рею за плечо. Мой взгляд привлекают татуировки: они есть и на теле Реи, и на теле Адэйра, однако же и на теле Джодока. То есть, вернувшиеся к жизни, пусть даже из останков полностью расплавившихся, не утратили ни шрамов, ни татуировок, ни прочих меток, запечатлённых на их телах в момент смерти.

Молчание Йорун затянулось – отчасти потому, что мы отходили подальше от случайных глаз и ушей, – так что я не заметила, как погрузилась в свои собственные переживания. Больше, чем интерес о том, как переродившиеся Металлы будут переживать период возвращения к жизни – особенно первые недели, – с чем столкнутся и поладят ли друг с другом, меня волнуют только мысли о себе самой. Я чувствую, как внутренний конфликт внутри меня усиливается: кто я есть на самом деле? Я Диандра или клон себя, то есть Её? Разве могу я считать себя отдельным существом, если моя память и даже само тело состоят из меня-ушедшей, меня-несдавшейся, меня-существующей-где-то-далеко-далеко...

– Диандра...

Резко обернувшись, я вижу Тофу. Всем своим видом она кажется растерянной, подавленной, почти разбитой...

Я произношу бесцветным тоном:

– Ты знала о тайных ходах Гриммарка, помогла бежать Тиаре, видела мои мучения и мучения моей семьи, втёрлась ко мне в подруги, но так и не помогла мне... И сейчас не поможешь, если спрошу о ходах.

– Мне семьдесят лет, – её голос дрожит. – Но кажется, что я прожила слишком мало, увидела недостаточно, прочувствовала лишь толику... Я не хочу умирать. Тиара ничего не значила для Багтасара, но пропади ты... – при этих словах она нервно сглатывает. – Он уничтожил бы меня. Уничтожил бы нас всех.

Как ни странно, я понимаю, о чём она говорит, понимаю её терзания теперь, когда смотрю на неё глазами Диандры, прошедшей “разделение”, если только то, что со мной сделала безумная страсть Райхенвальда, можно обозначить столь нейтральным словом. Помогите мне кто-то бежать, Багтасар не просто уничтожил бы всех – и виновных, и невинных, – нет... Он действительно – действительно! – достал бы меня из-под земли...

Меня озаряет: я – рубеж, сдерживающий Райхенвальда от погони за *первичной* Диандрой?!

Видимо, неверно истолковав мой беспокойный взгляд, Тофа поникает плечами и спешит уйти. Йорун, всегда ладившая с ней, торопится нагнать её, и в итоге я наблюдаю за тем, как они, одна за другой, удаляются в сторону лицевой части Дворца... Внезапно – когда между ними остаётся всего сто метров, – Йорун резко сворачивает влево. Сначала я не понимаю этого странного рывка, но потом замечаю в тени Дворца Эспена – неужели он подкарауливал Тофу? И Йорун, увидев эту засаду, ретировалась?.. Хм...

Сегодня в паркелюдно – словно все после длительного пребывания в склепах, небытии и подземельях теперь стремятся под живительные лучи августовского солнца. Услышав новое звучание двух пар ног позади себя, я оборачиваюсь и сразу же замечаю Катерину в компании Вирсавии. Вместе они смотрятся контрастно: обе блондинки с тепло-желтоватым оттенком волос, однако волосы Вирсавии, как и кожа, и цвет глаз тускнеют на фоне ярких данных Катерины – русская красotka хотя и вульгарна в своей искусственной красоте, нарочито подчеркнутой глубоким декольте, всё же выглядит притягательнее подружки за счёт своего высокого роста – да она выше даже меня! – широких плеч, статной походки, уверенного шага – эдакая валькирия, только тяжёлого меча в ножнах не хватает! Впрочем, меч мог бы подойти к её массивным бёдрам, но не к её неестественно тонкой осиной талии.

Женщины останавливаются прямо передо мной. Первой, как я и предполагала, заговаривает Катерина:

– Позвольте представиться: Европий Катерина Капканова или просто – Кэтрин. Примите мою благодарность за роль Вашего слова на суде: если бы не Ваше заступничество, я и моя дочь лишились бы голов.

– Тиара – прекрасная девушка, – всё, что я нахожу для ответа.

– Авиарх была предсказана Королю до моей гибели, – вдруг произносит более тонким, почти прозрачным голосом Вирсавия. – Диандра наша Королева.

– Вовсе нет.

– Ещё нет?

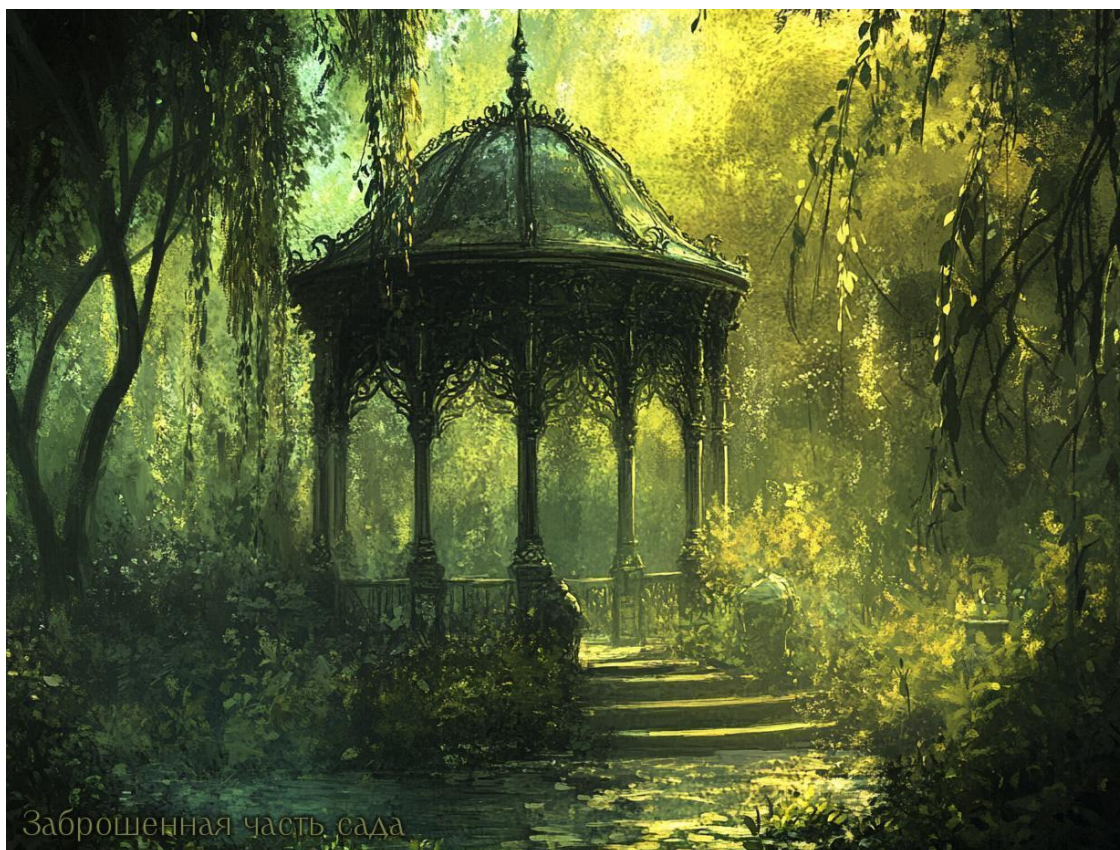
– Совсем нет, – я не замечаю, как начинаю хмуриться.

– Простите, я, видимо, сказала что-то не то... – голос Вирсавии выдал кротость, подтверждающую её нежелание залезать мне под кожу – просто неверно подобранные слова, впредь она наверняка будет осторожнее со мной.

– Приношу свои извинения... – я не настроена на разговор. – Этим утром я ищу уединения. Надеюсь, в скором будущем у нас ещё будет возможность познакомиться поближе.

И Катерина, и Вирсавия слегка склоняют свои головы так, будто стоят перед титулованной особой. Это раздражает: я ведь сказала, что я никакая не Королева! Однако на злость моих душевных сил не хватает: поджав губы, я разворачиваюсь и спешу уйти поглубже в сад, подальше от Дворца, чтобы наконец остаться наедине с собой и послушать собственные мысли и чувства...

***

Я зашла настолько глубоко в сад, что тени сгустились: северная часть сада своими высокими деревьями всегда напоминала более лес, нежели сад, а после ухода из жизни Шакролина и вовсе запустелась и разрослась... Здесь обычно нет желающих гулять: темновато, сыровато, далековато – то есть, идеально для уединения. Однако искомого мной одиночества сегодня я и в этом месте не нашла: стоило мне ступить на дорожку, ведущую к древнему кипарису, как между дальними кустами сразу же увидела движение двух тонких теней... По цвету волос я сразу узнала их: та, что повыше – зеленоволосая Сольвейг; та, что поменьше – беловолосая Розалия. Я видела их всего несколько секунд – словно лесные нимфы или приведения, они перепрыгнули от одного куста к другому и, видимо, заметив меня, поспешили раствориться в зарослях волчьей ягоды. Это было удивительно. Сольвейг прежде не расхаживала без присмотра Отгалии, а Розалия и вовсе никогда не покидала подземных лабиринтов...

Пока я стояла посреди дорожки удивлённая – безопасно ли лишённое присмотра присутствие неуравновешенных принцесс здесь, вблизи обитания незащищённых слуг? – рядом со мной вдруг кто-то остановился. Я вздрогнула от неожиданности. Резко повернув голову влево, увидела Рею.

– Не переживай о них, – сверля взглядом тени сада, Рея вздохнула. – Цинк и Бериллий больше *не так* опасны, как прежде.

– Но купол...

– Розалия его питала своим даром, но его существование вовсе не результат её дара. Теперь Сольвейг с Розалией, как и все прошедшие Перерождение Вампирески, более не заражены Вампрагмой. При них остались только клыки, металлическая суть и их дары. Самое главное, что их безумие устаканилось. То есть, до конца адекватными они не стали, нет, конечно, но они больше не буйны. Вроде как.

– Вроде как?

– Йорун так говорит. Но, думаю, показать нам истину сможет только время. Быть навсегда заточённым в детстве без возможности вырасти – казалось бы, что может быть хуже? – она резко встречается со мной красноречивым взглядом. Я читаю в её глазах невысказанную мысль: “Должно быть, хуже только раздвоиться”.

Я вспоминаю записку, оставленную ею мне перед тем, как она ушла десять лет тому назад:

“Однажды ты найдёшь свой выход. Это мой. Прости, но жертвовать своей свободой ради твоей я не стану. Не прими за малодушие. Жизнь Металла долга... Верю, у тебя получится обрести свою свободу. Буду иногда думать о тебе. Удачи.

Уходящая, чтобы не вернуться,

Рея Рений Роул”.

Я вслух констатирую странный факт:

– Ты пожертвовала своей свободой во имя спасения того, кто принимал тебя за врага.

– Не всей свободой – одним столетием... Джодок мой брат. Всю свою жизнь он был дураком, но этот диагноз не смертелен и даже излечим – так почему бы не понадеяться на выздоровление?

Не понимая того, я слегка улыбаюсь на эти её слова.

– Как жилось за пределами Триединого Королевства?

– Австралийский континент – мрак. На островах получше... В целом, бродяжнический образ жизни – моя стихия. – Сказав так, она немного помолчала, прежде чем произнесла следующие слова: – А Багтасар ведь не перерождался.

– Что? – мой голос выдаёт тихий шок.

Рея заглядывает прямо в мои глаза:

– Он не перерождался. Пока вы *созревали* в коконах, он оберегал твой, словно собственную жизнь.

Моё сердцебиение замерло. Кажется, Багтасар что-то такое говорил мне о том, что наблюдал за коконами, или мне показалось? Но... Как подобное возможно?! Джодок ведь вонзил хромовое остриё в его сердце – я уверена в том, что видела, как тело Райхенвальда покрылось металлическим инеем! Он прошёл через смерть определённо точно, более того, он сейчас также не зависим от употребления крови, а значит, он не мог не пройти Перерождение!

Перед глазами вспыхивают вспышки воспоминаний: он спас мою жизнь дважды – оттолкнул от силы удара энергии Дикой, полностью приняв атаку на себя, после чего, защищая меня собственным телом, принял смертоносный для него удар в сердце от Джодока!

– Но... – я нервно сглатываю. – Багтасара убил Джодок.

– То-то и оно, что, видимо, только попытался, – Рея хмурится. – Поэтому я сейчас пришла к тебе: ты собственными глазами всё лицезрела. Скажи, ты видела, чтобы тело Багтасара покрылось металлическим инеем?

Прежде чем ответить, я повторно нервно сглатываю:

– Нет... Нет, я не видела, чтобы тело Багтасара покрылось инеем...

– Значит, кинжал, которым Джодок замахнулся, не успел обратиться в хромовый...
Я не знаю, зачем я соврала. Честно не знаю.

Глава 12

Я сижу за высоким кухонным островом, похожим на барную стойку. Теона только что вышла на улицу через входную дверь, расположенную в конце просторного зала с камином – из этого зала на второй этаж уходит красивая женщина испанской внешности... Я откуда-то знаю, что её зовут Кармелита... И ещё знаю, что она хочет со мной подружиться возможно

даже больше, чем я это понимаю... Она быстро ушла на второй этаж за каким-то альбомом – хочет показать мне фотографии своей семьи? Да... Кажется, она что-то говорила о том, какими её дети были милыми, когда были маленькими... Кто её дети?.. Тристан?.. Тринидад?.. Спиро?.. Клэр?.. Два первых имени мне известны, но два последних я будто бы слышу впервые – или нет?..

Я зажмуриваюсь и быстро моргаю: у меня начинает болеть голова от этого странного сна... Передо мной совершенно внезапно возникает знакомое лицо: Рат! Он заговаривает со мной омрачённым непонятным мне переживанием тоном:

– Ты холодна со мной, как никогда. Я думал, свобода нас сблизит, но чем больше времени проходит, тем дальше мы становимся друг от друга...

Выпив залпом остаток напитка из своего бокала – это виски?.. – я зажмуриваюсь и пальцами потираю виски, словно стараясь вытряхнуть из своей головы себя же, и произношу:

– Не сейчас, Рат. Это был сложный день: мы были в миллиметре от непоправимой трагедии. Лучше позаботься о Кейаре, бедняжке досталось больше всех, а мне ещё необходимо обсудить случившееся с Бореем и Кайей...

Я резко распахиваю глаза: я лежу в своей постели, в своей комнате, расположенной в башне Дворца... Неужели я не заметила, как заснула? Заснула и “провалилась” в... Куда?.. Сон?.. Транс?.. Видение?..

Поспешно покинув кровать, машинально потирая шею, я не замечаю, как начинаю нервно расхаживать по комнате взад-вперёд, и в итоге не осознаю, что начинаю тереть свои глаза и виски точь-в-точь так же, как это мне привиделось во сне... Нет, это был не сон. Я уже почти уверена в этом. Это была связь... Связь с оригинальной Диандрой – той, что смогла выбороть свою свободу! Она где-то далеко, с Теоной и какой-то женщиной по имени Кармелита! Она находится в доме, кажущимся уютным... Пьёт виски... Рядом с ней Рат! Она назвала

имя Кейары – получается, все они всё ещё вместе! И главное: она упомянула о том, что ей “необходимо обсудить *случившееся* с Бореем и Кайей”! Значит, и Борей, и Кайя с ней! Все *мы* вместе! То есть... Все они...

Я резко останавливаюсь посреди комнаты... Я одна... Они вместе... А я одна...

Я окончательно понимаю, что только что через сон попала в сознание оригинальной Диандры. Она же, в свою очередь, определённо точно почувствовала от этого ментальный и даже физический дискомфорт, но... Поняла ли она, что с ней произошло?.. Поняла ли?..

Моё первое погружение в сон после Перерождения и сразу же потрясение... Мне необходим душ... Я смотрю в окно: рассветная серость не намекает на тёплый день, о котором накануне вечером пели певчие птицы. Кто окажется прав: первые минуты рассвета или пение птиц?.. Нет, лучше не душ – горячая ванная.

***

Сразу после принятия ванны я отправилась на нижний этаж и менее чем за полчаса, при помощи добряка-повара, организовала большой поднос с сытным завтраком: двенадцать жареных бифштексов, отварной картофель, свежееиспечённый хлеб, овощи, фрукты и даже плитка посыпанного сахарной пудрой рахат-лукума, графин компота, ещё один графин с прохладной

водой, плюс салфетки и столовые приборы. Взяв всё это, я отправилась напрямую в подземелье к пленникам.

В страже оказались сразу четверо: Зеф, Отталия, Рагнхильд и Джодок – внушительная, однако, армия против двух измождённых пленных. Очевидно, Райхенвальд не из тех, кто склонен недооценивать противника – черта, присущая мудрому правителю.

Увидев поднос в моих руках, Зеф, не предавая своего внутреннего выскочку, сразу же выступил вперёд:

– Багтасар приказал не кормить пленных.

– На что спорим, Багтасар отрубит тебе голову, стоит мне только попросить его об этой мелочи?

Взгляд Отталии беспокойно перебегает в сторону Рагнхильд и Джодока, лиц которых я не вижу из-за стоящего прямо передо мной Зефа. Идиоту понадобилось целых три секунды, чтобы сообразить, что именно я ему только что сказала, по истечении которых он всё-таки додумывается уйти с моего пути. Отталия собственноручно открыла мне дверь темницы, и я наконец переступила порог пещеры, освещённой всего двумя огненными факелами.

***

Платина с девушкой всё ещё лежат в центре пещеры на каменном столе. Золото стоит в пятнадцати шагах от меня у правой стены и держит в своей руке кирпич, уже наполовину обращённый в золото. Франций стоит всего в пяти шагах от меня у левой стены. В момент, когда дверь за моей спиной закрылась со щелчком, она моргнула, словно пробудилась ото сна.

Поставить поднос было некуда, так что я повела плечами: Франций, верно истолковав движение моего тела, подошла и забрала из моих рук подношение. Она поставила его на одну из четырёх каменных кроватей, выдолбленных в скальной породе – на ту, что не покрыта матрасом.

Франций кажется мне растерянной, а вот насчёт Золота я не знаю, что думать. Он хмурится – насторожен и, может даже, настроен воинственно, однако весь его вид выдаёт мне противоречие, которое, возможно, он сам в себе не понимает. Накануне Йорун сказала мне о нём странную фразу, которую никак не пояснила: “Он, несчастный, проживает не свою жизнь”, – что это может значить?

– Спасибо, – голос подаёт Франций. – За то, что заступилась за пятикровку и Платину.

– Пятикровку? – я едва уловимо приподнимаю одну бровь.

– Пятикровка – дитя двух Металлов, – она косится взглядом в сторону беспробудной девушки.

– Что это значит?

– Пятая группа крови даёт её носителю возможность обратиться в Металл без помощи Металла: достаточно пронзить сердце металлическим предметом.

– Она больше не пятикровка, – вперёд выходит Золото, его голос звучит жёстко. – Она Металл.

– Она двойной Металл, верно? – слегка прищуриваюсь я. – Но разве такое возможно?

На сей раз мне никто не спешит отвечать.

– Вы были на острове, когда тот затонул, но вы не друзья Беорегарду и его семье, верно?

– Не совсем так... – начинает Франций, но Золото её перебивает.

– Да уж скорее всего теперь всё так.

– Ты нам можешь? – голос Франций звучит аккуратно.

– Нет, – категорично отвечаю я, при этом положительно кивая головой. Они понимают мою конспирацию. – Я лишь принесла вам еду, – я перевожу взгляд на Золото. – Тебе объяснили, почему от тебя требуется производство золота?

– Нет.

– Вы на территории Австралии. Здесь земли заражены Вампрагмой – недуг, от которого незаражённых оберегает только один металл. Теперь понимаешь? – в ответ он только поджимает губы. – Чем больше золота ты произведёшь, тем больше людей смогут переплавить его в обереги, отпугивающие Вампов, то есть, заражённых.

– И?

Я вижу на полу сухой деревянный прут, поднимаю его и начинаю выводить на песке под ногами слова: *“Я помогу вам бежать. Но из-за этого мы получим меньше золота, а значит, меньшее количество людей будет спасено от Вампрагмы”*.

Золото берёт из моих рук прут и начинает писать рядом: *“Когда сможешь?”*.

Мой ответ: *“Я сама здесь пленница. Обещать могу лишь, что постараюсь: гарантировать успех не могу. Но если у меня получится помочь вам бежать – сделай к тому времени золота побольше. Не для Багтасара. В качестве платы за мой риск или же ради незнакомых тебе страждущих людей”*.

Его ответ: *“Сомнительный договор. С чего мне думать, что ты не подслана Багтасаром?”*.

Я: *“Моё предложение – всё, что у вас есть”*.

Он обменивается с Францией продолжительным взглядом, после чего отвечает одним коротким словом: *“Договорились”*.

– Диандра, всё в порядке? – звучит голос Рагнхильд из-за начавшей приоткрываться двери. Золото успевает стереть ногой письма на песке...

– В полном. Я уйду.

– Эй, – Золото бросает мне в спину с наигранной злобой. – Передай своему Королю: если хочет больше золота – пусть кормит нас получше. Запасы крови в моём теле не бесконечны – их необходимо восстанавливать.

В ответ я лишь слегка киваю головой: взгляд Золота противоречит его голосу. Что имела в виду Йорун, сказав те слова о положении этого парня в его металлической жизни?

Глава 13

Я и вправду стала мерзлявой: по вечерам накрываюсь пледом, днём ищу солнца, в тени быстро дрогну... Регуляция тела даётся будто бы сложнее, чем обычно, но... Что такое для меня “обычно”? По факту ведь моё тело “новое”, пусть и помнит весь опыт того тела, от которого отделилось...

В саду не то что в темнице: утро прояснилось, солнце залило цветущие растения, пахнет пыльцой и свежескошенной травой. Очевидно, Тиберий с усердием взялся за своё садовое дело: следы его неостывших ночных трудов видны везде...

Увидев Аурелию плачущей на лавочке под буком с бочковидным стволом, я вспоминаю о том, что мы до сих пор не поговорили, и, не сомневаясь, что приближаюсь к верной Аурелии – Рагнхильд сейчас несёт вахту в подземелье, – я подхожу к ней.

Ещё до того, как я опускаюсь на лавочку рядом, она успевает взять себя в руки.

– Привет, – тихо произношу я и, помня об экстравертной натуре этой девушки, против своих внутренних установок кладу свою прохладную ладонь поверх её бледной. – Я рада, что ты вернулась. Понимаю, произошло очень много ужасного, но всё равно спрошу: что именно тебя сейчас печалит?

– Моего отца не вернули... – её плечи вздрагивают. Гафний, в отличие от его дочери, никогда мне не нравился, так что его отсутствие в рядах переродившихся, конечно, не могло меня расстроить, но только до тех пор, пока я не увидела слёзы его единственной дочери. – Йорун рассказала, что он покончил с собой спустя несколько дней после моей смерти. Его тело полностью расплавилось в лаве, и из-за того, что его останков не сохранилось, вернуть его нет возможности. Я понимаю, для тебя он погиб десятилетие назад, но для меня только позавчера, когда Йорун рассказала...

– Ах, Аурелия, – я глажу её большим пальцем по верхней части сжимающей мою руку ладони.

– Говорят, мои останки сохранились только благодаря Борею... Говорят, он в форме Маршала прыгнул за мной в лаву и вытащил моё расплавившееся тело...

– Да, это так.

Слёзы из её больших глаз начинают катиться так буйно, что пара слезинок попадает на мою руку:

– Получается, меня сейчас смогли вернуть только благодаря тому, что сделал Борей...

– Аурелия, – я убираю руку с её ладони, чтобы больше не чувствовать её слёз, и начинаю гладить её вздрагивающую спину.

– Борей невероятный... Он лучший! Он лучший...

– Я знаю, деточка, знаю... Он ведь мой сын.

– Борей ушёл... – она не успокаивается.

– Да, ушёл.

– С Кайей и... И с тобой...

– Да, – в моей грудной клетке начинает щемить.

– И ещё... Он ушёл с Кейарой... Говорят, она выросла в красавицу... Такую же, как Тиара... Говорят, она влюблена в него...

– Да... Но он не влюблён в неё...

– Он не был влюблён и в меня... А что если... Что, если он влюбится в неё?.. Что, если забудет меня?

– Не думаю, что он обратит своё внимание на Кейару.

– Почему ты так считаешь?

Я улыбаюсь:

– Я слишком хорошо знаю своего сына. Ему мешает воспринимать Кейару всерьёз тот факт, что она выросла у него на глазах – он помнит, как качал её на коленке, как стругал ей деревянных кукол, как рассказывал ей сказки о диких животных... Нет, Борей точно не будет с Кейарой. Боюсь, бедняжке придётся смириться, и чем быстрее она это сделает, тем быстрее обретёт шанс на счастье.

– Я не смирюсь!

– Аурелия...

– Я не смирюсь!.. Я не знаю, куда они ушли, и только до тех пор, пока не выясню это – мне некуда двигаться. Но я выясню! Пока ещё не знаю как, но обязательно узнаю, куда именно они отправились, и тогда... Прости, но я не ты. В смысле, я не пленница Багтасара. А значит, я могу уйти. Так вот, когда я узнаю, в какую сторону мне необходимо бежать за Бореем, я побегу сломя голову не оглядываясь!

– Аурелия... – в моём голосе звучит лёгкий шок.

– Я переродилась, Диандра. Ныне я другое существо: не та Аурелия, что была прежде – Аурелия, прошедшая сквозь смерть и заново родившаяся. Мой дар больше не довлеет надо мной: моя зависимость от плотских желаний более ничего не значит. Понимаешь? Мне не нужны другие мужчины – мне нужен только Борей! Я дала себе обет: однажды я найду способ отыскать его и буду с ним, и не с кем больше, только если... Только если он не прогонит меня...

Я замерла. Аурелия не первая, кто говорит о том, что Перерождение изменило её: есть ещё Сольвейг и Розалия – по словам Реи, они более *не столь* буйны, как прежде... Я проверяла свой дар: он со мной в той же силе, что был *прежде*... Но Аурелия утверждает, что зависимость, в которую вгонял её дар, рухнула. То есть... Перерождение стало разрушительным не для даров – для зависимостей? Все освободились от Вампрагмы, некоторые от иных зависимостей, какие бы они ни были, но... Что с заикленностью? В Аурелии сейчас говорит заикленность или же просто горе, смешанное с одиночеством? Заикленности разрушились тоже или всё же нет?

Я хотела ещё что-то сказать рыжеволосой красавице, как минимум ещё попытаться утешить её и спросить о её ощущениях относительно её заикленности, однако нас прервали. Первой затихший сад, очевидно, заметила Аурелия – она резко перестала хлюпать носом. После неё заметила и я... Только когда она поспешила подняться с лавки, чтобы в следующую секунду уйти, я увидела его: Райхенвальд идёт по тропе, ведущей к нашему месту. Да, я не горю желанием разговаривать с ним, но и смысла бежать не вижу – мы оба под куполом, а значит, он поговорит со мной, если того пожелает, даже если нам обоим придётся бегать по кругу на металлической скорости. Так что я остаюсь сидеть на лавке, хотя и не удерживаюсь от того, чтобы скрестить руки на груди – закрывающийся жест.

***

Заняв место, на котором только что сидела Аурелия, Райхенвальд начинает говорить первым:

– Мне сказали, ты кормила пленников.

– Ты хочешь золото, но не учитываешь, что для его производства необходимо питать золотую кровь.

– Меня больше беспокоит тот факт, что ты посещала пленников в одиночестве, – в этот момент я напрягаюсь, решив, что он каким-то образом узнал о “сговоре”, но в следующую секунду он развеивает мой страх: – Они могли навредить тебе.

– Предположим, они могли бы убить меня. Что с того? Отдашь моё тело Йорун, прикажешь переродить. Да, придётся подождать девять месяцев до моего повторного возвращения, но да ты не из нетерпеливых, верно?

– Я лишь беспокоюсь о тебе...

– Ты подарил мне спящих пленных. Хочу на них смотреть иногда.

– Значит, их стоит отделить...

– И на Золото с Франций тоже хочу иногда смотреть. Увы, в твоём королевстве не так уж много диковинных развлечений, если не выходить за пределы купола.

Прежде чем продолжить говорить, он немного помолчал. Наконец, вздохнув, продолжил:

– Я уже говорил, что не знал, что с тобой всё обернётся таким образом. Думал, что ты будешь возвращена к жизни так же, как и остальные. Узнав, что ты ушла, едва не уничтожил Йорун вместе с Тофой. Вникнув же в ситуацию...

– Что? Что ты сделал, когда вник в то, что своей волей раздвоил меня? – я почти рычу.

– Я остановился, – он не смотрит на меня, пока я сверлю точёный профиль его грозного лица, в эти секунды выглядящий вовсе не грозно, скорее, озадаченно и, быть может, чуть печально. Внезапно он произносит слова, которые я никак не ожидала услышать, тем более в разгаре этого диалога: – Борей и Кайю тоже можно переродить, если ты этого пожелаешь.

– Что?

– Ты одинока. Тебе не хватает Борей и Кайи.

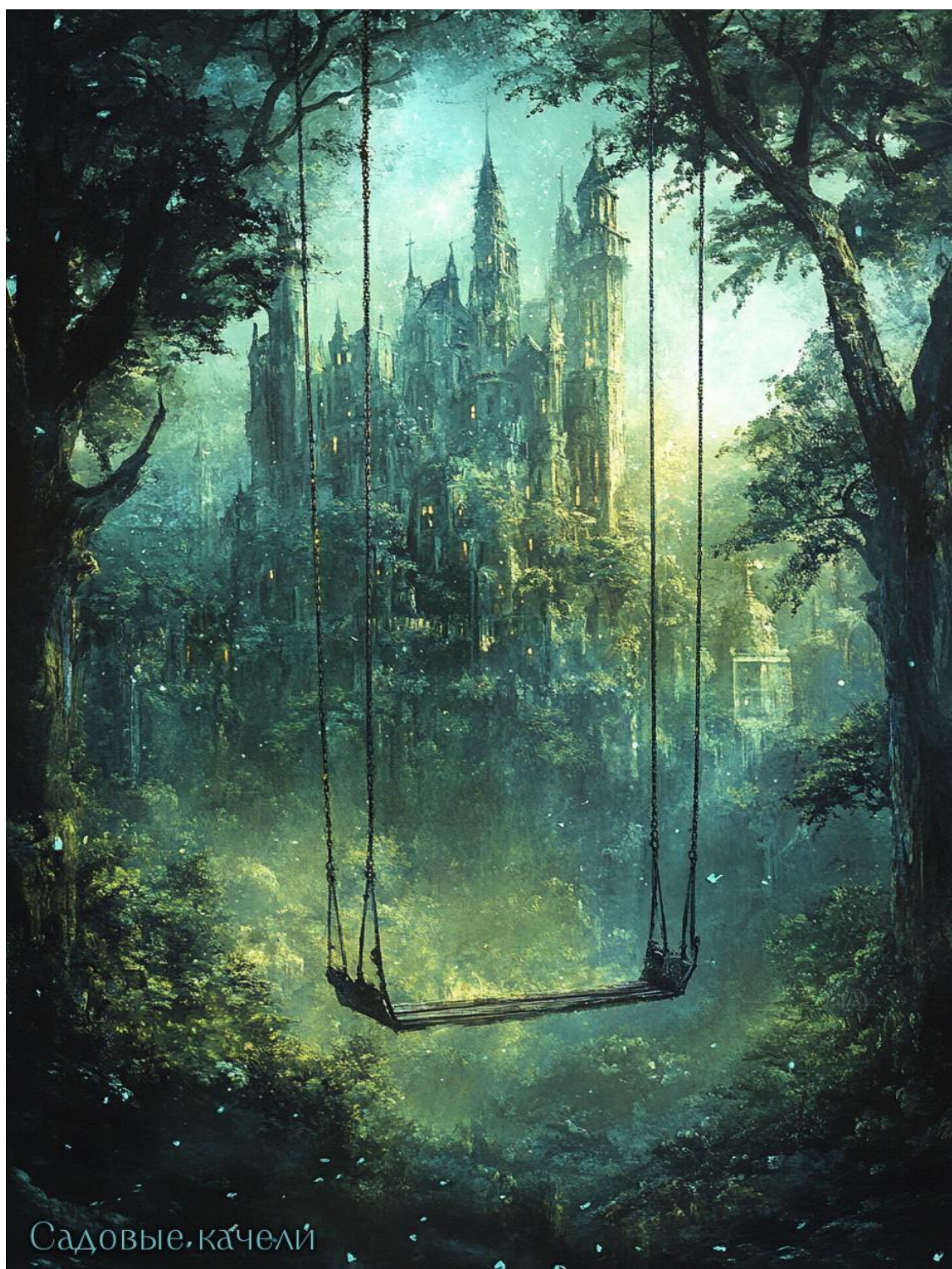
– Нет, – я резко расцепляю руки, до сих пор бывшие скрещёнными на груди. – Я не допущу создание дублей Борей и Кайи. Они ушли, и хорошо... Они смогли...

– Ты тоже смогла, Диандра.

Я больше не смотрю на его профиль – так же сев на край лавки и упершись в нее обеими руками, сверлю тяжёлым взглядом лежащую передо мной гравийную дорожку:

– Я никогда не полюблю того, кто удерживает меня силой ли, хитростью ли, или же любым иным способом. Хоть испепели меня, расплавь, перероди – я себе не изменю.

Дав понять ему всё, что он должен понимать, я позволяю себе тяжёлый вздох, после чего встаю и ухожу прочь.

Садовые качели

Глава 14

Диспрозий Тиара Джумарейо

Он захотел со мной поговорить наедине, что неудивительно: трусу редко даётся искренний разговор даже с самим собой, что уж говорить о разговорах на публике. Впрочем, чем дольше Зеф живёт, тем больше в нём подлость превышает трусость. Сначала я задавалась вопросом о том, почему такому, как Зеф, была дарована металлическая жизнь, теперь же прекрасно понимаю: функциональному королевству нужны руки как покорные, так и готовые копаться в дерьме. Мой презренный дядя обладает идеальными руками для Короля, не чурающимися даже такой низости, как побивание женщин и детей – последние пункты, впрочем, Королю омерзительны, так что этим хобби Зефу всегда приходилось баловаться втайне от посторонних глаз. Потому он и захотел сейчас поговорить наедине – соскучился до усмерти, очевидно.

Мы стоим в дальнем конце парка, в тени перед одним из входов в самшитовый лабиринт. Зеф смотрит на меня пока ещё не понимающим новую реальность, собственническим взглядом:

– Ты всегда была дурнее своих брата и сестры, и посмотри, к чему это привело тебя: едва не обезглавлена вместе со своей мамашей.

– Боишься Катерину? – мои глаза сужаются.

– Это ей стоит бояться меня.

– Нет, Зеф. Бояться нужно тебе.

Он замахивается. Как всегда без предупреждения, в самый неожиданный момент. Но... Я больше не маленькая девочка, неспособная противостоять мужской металлической силе. Я Металл. Увернувшись от пощёчины, я отбрасываю мерзавца ударом кулака в солнечное сплетение с такой силой, что, запрокинувшись назад, он, не ожидавший ни нападения, ни такой силы, падает спиной на тропу... Теперь он выглядит жалко. Впрочем, как и всегда. Он должен быть сильнее меня, ведь металлических лет жизни за его плечами больше, чем за моими... И этот же факт заставляет меня мысленно ухмыльнуться: он до сих пор не открыл свой дар, в то время как я свой пробудила в первый же год своей металлической жизни. Есть теория, согласно которой чем сильнее дар, тем дольше он проявляется. Например, Диандра открыла свой дар только после того, как узнала о том, что подобное можно пробудить в себе, и её одарённость сейчас считается одной из самых мощных в королевстве, ведь она обладает не только властью над птицами, но и убойным гипнозом-оцепенением. Однако Йорун говорит, что с Зефом ситуация иная – он действительно “пуст”. Значит ли это, что дара в нём нет, или же то, что дар не успеет проявиться до того, как его жизнь закончится – неизвестно. В любом случае, как ни раскрути – со всех сторон Зеф Джумарейо ничтожен.

Ему понадобилась секунда, чтобы на металлической скорости встать на ноги – в глазах огонь, ноздри раздуваются, нижняя губа трясётся, как всегда в минуты его крайней разъярённости. Я довольна результатом.

– Что, начинает доходить? – я нагло ухмыляюсь. Сколько ударов я стерпела от него, прежде чем отразила этот первый? За мой непокорный характер он мутузил меня даже чаще, чем Банджи. – Больше ты не властен над моей жизнью, Железо. Ты ничто. Впрочем, как и всегда. Слышала, дар в себе ты так и не открыл. Моей металлической жизни всего два года, а я уже при даре: вижу уже свершившиеся события. Я знаю всё, что было здесь во время Металлической Охоты. Пришлые Металлы сломали тебя, как никчёмную, *пустую* куклу, которой ты, собственно, и являешься.

– Ты совсем забылась?! Не различаешь, кто перед тобой стоит?! Ты мне жизнью своей обязана за то, что я не придушил тебя в глубоком детстве! Я дал тебе покровительство, привёл тебя в металлический мир!..

– Не лъсти себе. Марен привела тебя в металлический мир, и то лишь из доброй памяти о Катерине. Ты здесь случайность, не я...

– Я тебе шею сломаю!

Я делаю шаг вперёд, демонстрируя бесстрашие:

– Мне известно, каким образом ты обошёлся с Марен во время суда над ней... Ты при мне обижал моих сестру и брата, строил планы на мою жизнь... Я тебе покажу металлическую сущность, жалкий ты подонок. Ты у меня ещё попляшешь...

Он снова бросается в наступление – собственно, делает именно то, чего я добивалась, – однако мой план рушится: его кулак, подлетающий к моему лицу, внезапно блокирует не моя ладонь. Обернувшись через левое плечо, я вижу Катерину – она намного выше меня, так что мне приходится задрать голову, чтобы различить на её лице гримасу злобной улыбки. Эта невероятная женщина с такой лёгкостью сжимает в своей ладони большой мужской кулак, что по моему телу разбегаются непроизвольные мурашки, когда она, наконец, глядя прямо в глаза противника, произносит слова, которые тот сказал ей, когда разлучал её с её детьми, о чём я, впрочем, не знаю:

– Беги, пока можешь бежать, – её холодный голос прозвучал потрясающе хищнически!

Стоило Зефу вернуть себе кулак, и он сразу же, на металлической скорости испарился в лабиринте. Как же мне хотелось догнать его, чтобы показать ему, насколько сместились фигуры на шахматной доске – той самой, которую он однажды разбил на голове четырнадцатилетнего Банджи! – однако моя гордость не позволяет мне травить даже трусов...

– Лишила меня веселья, – всё же с долей разочарования хмыкаю я, взглянув на мать, которая, в свою очередь, не сводит глаз со входа в лабиринт, по всей видимости, также мечтая организовать Железу жёсткую трёпку.

– Не ты одна здесь любишь веселиться, – шуришься та, которую мне до сих пор сложно воспринимать за родную кровь. Что поделаешь, я выросла без неё, она же выглядит совсем не так, как, казалось бы, положено выглядеть матери. Ну только если она не совмещает многодетное материнство с успешной карьерой головокружительной стриптизёрши...

Мы начинаем мирно идти по тропе: каждый день прогуливаемся вместе, видимо, в попытке привыкнуть друг к другу. Спустя пятьсот метров тишины Кэтрин заговаривает первой:

– Он действительно хотел “подарить” тебя Джодоку?

– Другой причины у моего побега нет.

– Хочешь грохнуть Джодока?

– Ха! – от резкости её выражений я часто срываюсь на смех вслух. Её умение меня смешить мне нравится: – Думаю, Рея не оценит, так что нет.

– Безумный план...

– Ты о чём?

– Он реально верил в то, что такой расхлябыш, как Джодок, может стать Королём только благодаря своей благородной фамилии?

– Ха! – на сей раз меня повеселило слово “расхлябыш”. – Зеф дурак, ты ведь знаешь.

Она согласно кивает головой, после чего меняет исчерпавшую себя тему:

– Говорят, твоя сестра ушла за сыном Диандры.

– Думаю, это правда. Кейара была влюблена в Борея по уши ещё задолго до того, как я решилась бежать. Однако, любовь эта, увы, безответна.

– Увы?

– Борей хороший.

– Но не для тебя?

– Просто у меня другой вкус. Борей для меня слишком смирный, когда не в форме Маршала, – меня озаряет, и я улыбаюсь следующей мысли: – Вот будь он исключительно Маршалом, это было бы то, что надо.

Катерина улыбается в ответ:

– Я тоже предпочитаю плохишей. – Только я начинаю опасаться ухода в тему о парнях, как она снова вовремя переходит в другую степь: – А вдруг Борей ответит взаимностью *нашей* Кейаре? Как думаешь, возможно ли?

– По-моему, Борей благороднейший из всех мужей, когда-либо живших не только во Дворце, но во всём Триедином Королевстве. По сути своей он отшельник: чем больше страдает – тем дальше уходит ото всех и от всего. Кейара, конечно, может последовать за ним на край света, но она дитя комфорта: выросшая в уюте, ежедневно меняющая наряды и причёски, она, боюсь, совсем не представляет, каково это – жить в избушке на курьих ножках где-то в диких дебрях, – я употребляю словосочетание “избушка на курьих ножках” как одно из тех, что помню из глубокого детства о матери, читавшей мне с Кейарой славянские сказки, и кошусь взглядом на собеседницу, но она не выдаёт своего понимания... Я вздыхаю: – А Борей именно такой: ему только дикая природа с вездесущими корнями, зверьём да открытым небом со шквальными дождями и нужны. Боюсь, как бы Кейара ни любила Борю, она ему не пара даже несмотря на то, что они оба крайне эмпатичны и со стороны даже схожи в характерах... Впрочем, может быть эта схожесть также в минус к их шансам быть вместе.

– Думаешь, Борю нужен кто-то более темпераментный?

– Я так не сказала, но, хм... Думаю, да... И потом, я помню его историю с Аурелией. Аурелия совсем не то что Кейара... Да, Борю необходима буйная девушка, точно...

– Похоже, этот Борей какой-то особенный.

– Так и есть. По секрету: я подозреваю, что пока он жил здесь, в него были влюблены во Дворце многие дамы, и не только среди служанок, с которыми он был обескураживающе добр, но и среди Металлов.

– Да ты что, – в голосе моей собеседницы звучит заигрывание. – Он настолько красив собой?

– Красив и великодушен, не просто добр, но эмпатичен и по-настоящему отзывчив...

– И безумен в своём даре. Гремучая смесь, – при этих словах она непроизвольно облизывает свои губы. – Хотела бы я попробовать такого.

– Эй, ты моя мать, немедленно прекрати! – смеясь, я толкаю её в плечо, и она, наигранно пошатнувшись, смеётся...

Однако наш смех продлился недолго: уже спустя пять секунд, всего в двадцати метрах перед нами на тропе возникает Диандра Рокс. Мою улыбку словно рукой смахивает: интересно, она слышала наш разговор о её могучем сыне?

Глава 15

Диандра Рокс

Тиара поспешила уйти под предлогом внезапно вспомнившихся дел с участием Реи, но я сразу поняла, что дело в её обсуждении с Катериной моего Борея. Я не подслушивала – металлический слух бежит впереди меня, – и нет, я не удивлена подобным разговорам: сколько мы здесь жили, столько я и слушала изо всех углов и теней эхо женских шепотков о том, насколько Борей “горяч-хорош-притягателен”. Ещё бы он не был таким с учётом того, кем и каким был его отец! Признаться честно, это единственный вид сплетен, который всегда радовал меня – какого могучего мужчину я смогла породить! – и огорчал одновременно – несмотря на все свои неприкрытые достоинства, мой сын действительно тот ещё склонный к одиночеству отшельник...

Стоило Тиаре ретироваться за ближайшим поворотом, и мы с Кэтрин двинулись вперёд по широкой тропе – шаг задала я, и в итоге я же решила задать тон беседе:

– Мы не успели познакомиться поближе, – зачем мне знакомиться поближе? Не знаю...

Но почему бы и нет, раз уж наши тропинки в саду пересеклись уже дважды?

Блондинка отзывается уверенным тоном:

– Я о тебе наслышана даже больше, чем о собственных детях. Ты здесь популярная фигура, Диандра Рокс.

– Хотела бы я так же сказать о тебе, но ты напротив – загадочная фигура.

– Я тебя умоляю... Моя история не столь замысловата. С чего начать?

– Ты из древних или относительно молодых? Сколько тебе лет?

– Пятьдесят человеческих лет и двадцать два металлических года.

Я резко останавливаюсь, вперив неприкрыто удивлённый взгляд в собеседницу в попытке понять, разыгрывает ли она меня:

– Нет, – мой голос выдаёт недоверие, смешанное с изумлением. – Тебе не может быть пятьдесят человеческих лет... Йорун была обращена в возрасте шестидесяти лет и выглядит старушкой. Тебе же невозможно дать больше сорока лет, и то с большой натяжкой...

Очевидно, моя реакция веселит её, потому что, отвечая, она слегка смеётся, отчего её большая грудь подпрыгивает в глубоком декольте:

– Всё так. Дело лишь отчасти в генофонде. Основная причина кроется в образе жизни, который мы вели до того, как обратились в Металлов. Будучи смертным человеком, Йорун переживала масштабные душевные и физические потрясения: множество смертей родных людей, постоянные видения, личные драмы и трагедии на каждом шагу, сосредоточенность скорее на сохранении здравого рассудка, нежели на сохранении тела. Я же вела праздный образ жизни: моя голóвушка не была забита высоким; родных и близких у меня не было, чтобы переживать о ком-то, кроме себя; высоких целей и глубоких страданий не переносила; всё внимание сосредоточила на своём теле. Впрочем, в моём случае также не всё сахарно, – мы продолжаем идти. – Брата Зефа, за которым я была замужем почти всю свою человеческую жизнь и от которого впоследствии родила своих детей, звали Фарадж Джумарейо. Из хорошего в нём была, пожалуй, только его внешность: он действительно был красавчиком, о чём ты можешь судить по неоспоримой красоте моих детей, – на этом моменте я мысленно соглашаюсь с тем, что дети Джумарейо получились красивыми, особенно девочки. – Он был высок и статен, с полным набором кубиков пресса, с головокружительной улыбкой и идеально гладкой тёмной кожей... На момент нашего “близкого” знакомства мне было всего семнадцать лет, ему же – двадцать семь только человеческих. У меня за душой ничего: брошенная на попечение немощной бабки сиротка, родившаяся незадолго до Падения Старого Мира при Дворце от служанки, скончавшейся сразу после родов. У него: целая металлическая сущность.

- Он был Металлом? – я удивляюсь её рассказу и в который раз понимаю, что до моего появления здесь Триединое Королевство долго и бурно жило свою тайную жизнь.
- Да, он был Металлом. Церием.
- Как Марен?
- Марен была его первой жертвой. Я стала второй.
- Жертвой?
- Фарадж Джумарейо был нарциссом, я поняла это слишком поздно. Семнадцатилетней мне казалось, что его действительно вскружила моя красота и молодость, но правда

всплыла наружу достаточно быстро. “Влюбившись” в меня, он перевёз меня жить из нижнего яруса в свои покои, расположенные на металлическом уровне Дворца, перевёл из ранга служанки-поломойки в ранг возлюбленной женщины Металла. Он обещал мне обратить меня в Металл, но для начала я должна была “стать лучше” для него. Первые “усовершенствования” в моей внешности, на которые я пошла не просто добровольно, но даже с восторгом, были оформлены ещё до моего двадцатилетия: искусственное увеличение груди. Затем последовало удаление рёбер, увеличение губ, уменьшение складок, усиление ягодиц... При Дворце жил талантливый пластический хирург, практиковавший свои навыки ещё в Павшем Мире, так что можно сказать, что мне повезло с ним дважды: во-первых, он был настолько хорош, что своими махинациями в действительности не изуродовал мою внешность – лишь изменил до неузнаваемости; во-вторых, старик помер до моего тридцатилетия, благодаря чему я была снята с этой бесконечной карусели “улучшений себя ради любимого”. И вот мне уже тридцать, я вся “идеальная”, улучшить во мне ещё хоть что-то невозможно, а мой идеал лишь пичкает меня обещаниями обратить меня скоро... Он вовсе не планировал меня обращать, конечно. Я это поняла ещё до своего сорокалетия. Но и отпускать меня не хотел, потому как был подлецом, наподобие паука, выкачивающего все соки из глупой мухи. Шептал мне о любви, а сам жаждал наблюдать за тем, как я состарюсь и умру сморщенной старухой в его вечно молодых руках. Я решила переиграть его. В самом начале наших отношений Фарадж позаботился о том, чтобы я не смогла зачать от него: мне были установлены противозачаточные спирали. Давно зная о том, что Фарадж не блюдёт свою верность – разыгрывая страстного и преданного любовника в наших покоях, на самом деле шляется по шлюхам всякий раз, когда выходит за пределы купола, – я делала вид, будто не подозреваю о бастардах Металлов. Мне было уже больше сорока, когда я избавилась от противозачаточных спиралей. Однако шли годы, а я не беременела даже без них. Я уже даже забыла об этом плане, о том, что хожу без спиралей, перестала думать, будто зачатие в принципе возможно. Всё, о чём я думала в те годы – это о сохранении молодости: днями и ночами истязала себя физическими упражнениями, питалась только травой, сидела на жестоких диетах, обмазывалась мёдом... Я уже понимала суть этой игры, в которой Фарадж выходил победителем: рано или поздно я, вся видоизменённая ради своего возлюбленного, состарюсь в его бездушных руках, каким бы мёдом я ни натиралась и сколько бы сотен раз ни присела ради сохранения упругости своих ягодиц. Мне было сорок девять – представь себе! – целых сорок девять лет, когда я внезапно выявила у себя беременность. Тиара и Кейара родились семимесячными. Сначала Фарадж был обескуражен моей беременностью и даже зол, но скоро переменялся, решив, что официальные наследники при Дворце ему не помешают. Я думала, что после рождения двойни он, на волне счастья, наконец обратит меня – ха! Какой дурой я была! Зачем ему обращать в Металл сорокадевятилетнюю красотку, чтобы она прожила с ним вечность, если для вечности можно выбрать кого-нибудь и помоложе, и посвежее? У наших детей будет отличная молодая мачеха – так он сказал мне спустя почти три месяца после рождения Тиары и Кейары. Поняв, что мои дочери обречены на жизнь с таким отцом, что я не смогу их уберечь от его гнилой натуры, потому что вечность мне не уготована, я разозлилась настолько, что пошла против Фараджа с обыкновенным ножом... Я хорошо помню ту ночь: дочки находились под присмотром няньки, я была в своих покоях одна, вся такая красивая и несчастная, успевшая восстановиться после родов, но не успевшая подумать о возвращении противозачаточных спиралей. А ведь могла подумать, ведь уже поняла, что даже наличие детей не склонит этого подонка одарить меня металлической жизнью. Когда он сказал, что вместо меня он организует моим дочерям молодую мачеху, я потеряла разум, бросилась на него с ничтожным ножом... Конечно же, его это лишь раззадорило. Он взял меня силой. Всю ночь насиловал... Спустя девять месяцев я родила от него сына – Банджи. Роды, не только из-за возраста, но и из-за удалённых в молодости рёбер, и из-за быстрой повторной беременности, прошли с осложнением: я потеряла много крови и, по словам Йорун, в итоге умерла. То, что

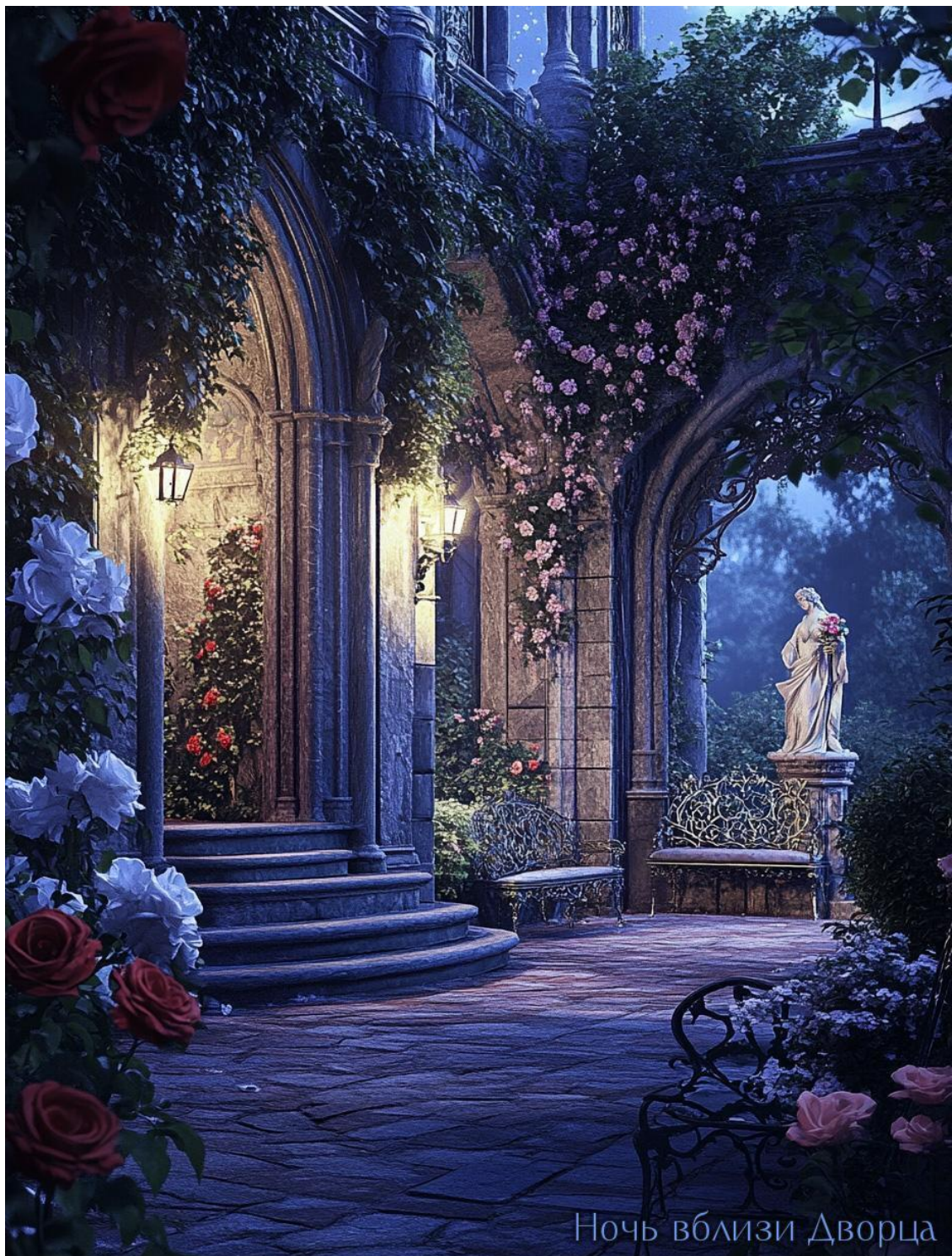
произошло дальше, я знаю только со слов Йорун, Тофы, Персефоны, Марен и ещё некоторых свидетелей... Оказалось, что мои родовые крики привлекли внимание Багтасара. Тебе ли не знать, как это бывает: Металлы совсем не обращают никакого внимания на людей, хотя живут с ними десятилетиями бок о бок... Так было и со мной. Никто из Металлов не обращал на меня никакого внимания до той ночи. Багтасар, проходя мимо родовых покоев, вдруг припомнил, что я являюсь женщиной Фараджа. Помню, я потеряла сознание как раз в момент, когда Райхенвальд зашёл в покои и взглянул на рождённого мальчика – дальше моё сознание покрыла непроницаемая темнота. Рассказывают, будто вслед за Райхенвальдом подтянулись и другие проходившие мимо Металлы. Будто бы Багтасар поздравил пришедшего Фараджа с обретением третьего ребёнка, на что Фарадж гордо улыбался... Затем моё сердцебиение стало ослабевать настолько, что почти остановилось. Тогда Багтасар спросил, почему Фарадж не пытается обратиться к матери своих детей в Металл и даже никогда не обращался к Королю с просьбой принять его женщину в металлическое сообщество. В этот момент Фарадж сглупил. Он сказал правду, которую, как он думал, должен был понять любой Металл: он развлекался со смертной женщиной, в результате чего появились дети. Быть может, его бы в итоге даже поняли – в конце концов, кто из Металлов не занимался подобным безобразием за пределами Дворца? – однако заговорила Марен. Она рассказала о том, что я от семнадцати до пятидесяти лет прожила обещанием Фараджа обратиться ко мне, что все эти годы он обманывал меня фантомной металлической жизнью, что толкал меня на “улучшение” моей внешности ради его утех и что после рождения первых дочерей насиловал меня до тех пор, пока моя повторная беременность не стала очевидной... – на этом моменте своей истории она тяжело вздыхает, и от этого вздоха как будто легче становится моим лёгким. – Сначала Багтасар даровал мне металлическую суть: пронзил моё сердце своей рукой. И только после он лишил Фараджа жизни: прямо у моего смертного одра оторвал подонку голову одним резким рывком. Думаю, он специально оформил такую последовательность. Марен рассказывала, будто Райхенвальд был доволен увидеть в глазах Фараджа эмоцию, вызванную моим обращением. Должно быть, в эти секунды Фарадж представлял себе, каково ему будет жить вечность в моей компании, но вечность Багтасар ему не оставил... Обращение в Металл также сильно повлияло на мою внешность: кубики пресса вместо обвисшей кожи живота, навсегда сохранившийся объём кормящей груди, плюс срез возраста – как ты сказала, мне и сорока лет не дашь, настолько металлическая жизнь мне к лицу. А ты, говорят, родила ребёнка, уже являясь Металлом? Вот это действительно интересно и удивительно! Женщины-Металлы ведь бесплодны, но, очевидно, не ты...

– Нет, всё не так... Зачатие произошло до того, как я обратилась.

Дальше я немного рассказала собеседнице о себе: не так подробно, как она раскрылась, но всё же кое-что... В конце концов, как мне кажется, мы поладили. Катерина мне понравилась. Быть может, не так же сильно, как Персефона, но, думаю, она точно может понравиться мне не менее крепко, если у нас ещё будет время на общение... Сейчас же больше всего в ней мне симпатизирует бесценный урок, который она представляет всем своим существом: внешность часто бывает обманчива. Выглядящая глуповатой и даже вульгарной, на самом деле она сильна духом и по-своему мудра – она уже давно не та семнадцатилетняя девочка, жизнь которой взял и почти прожёл до остатка самовлюблённый нарцисс. Как мать, она в итоге не состоялась – я спросила её о причине её побега, но она предпочла не отвечать, – о чём теперь, кажется, жалеет... У неё столько травм, что даже удивительно, как их всех может вмещать в себя даже её небольшая грудь. Сильная женщина со стальными яйцами...

Подозреваю, что в причинах бед Кэтрин, связанных с её разрушенным материнством, может быть замешан Зеф, а значит, во Дворце снова неспокойно... Думая так, я закрываю окно в своей спальне, перед этим выпустив птицу в ночь: гроза мерцает далеко в океане – под куполом будет слышно эхо беспокойного грома...

Укладываясь в постель, я не планирую засыпать: всё думаю о поступке Багтасара, разделившем историю Катерины на “до” и “после”. Жестокий Череполом не встал на сторону одного из своих, на сторону Металла, суть и образ жизни которого понимает лучше, чем человеческую – все мы уже давно оторвались от “смертной” реальности и живём свою, “бессмертную”, “металлическую”... Багтасар встал на сторону смертной женщины. Лишил детей отца. Даровал им мать. Мать, которая скоро сбежала, бросив детей во Дворце, переполненном кровожадными существами... Что ещё не рассказала Катерина о своей жизни? Вот о чём я думала, когда незаметно для самой себя погрузилась в неожиданный сон глубоко-глубоко-глубоко...

Ночь вблизи Дворца

***

– Эй, что ты такое говоришь? – я определённо точно знаю, что этот звонкий волевой голос принадлежит Теоне.

Я сижу на мягком диване, в каком-то незнакомом мне красивом доме, на журнальном столике прямо передо мной стоит в серебряной рамке цветная фотография, на которой запечатлены пятеро: Беорегард и Теона с улыбками безумцев держат в руках трёх младенцев в разноцветных свёртках – в руках Беорегарда два синих свёртка, в руках Теоны один розовый...

Дальше звучит мой голос – я говорю так, словно мне тяжело даётся каждое слово:

– Борей решил уйти, – упираясь левым локтём в подлокотник дивана, я жмурюсь и указательным пальцем потираю висок. Очевидно, у меня дискомфорт из-за того, что я снова появилась в своей голове, то есть, у Неё дискомфорт оттого, что я появилась в Её голове – или же первый вариант верен?..

Голос вдруг подаёт незнакомая мне блондинка, у которой на груди висит драгоценная подвеска с именем Клэр:

– Кейара в печали... У меня на глаза слёзы наворачиваются, когда вижу её такой. Она ведь за Бореем, считайте, пошла на край света, а вот как получилось...

– Но как же Борей уйдёт так скоро?! – Теона нервничает. – Он до сих пор даже тройняшек ни разу не видел.

– Зато видел рождённую позже дочь Брейдена и Кармелиты, – лицо блондинки озаряется широкой улыбкой. – Сказал, что Ария вырастет высокой и крепкой.

Теона улыбается в ответ:

– При таких-то родителях неудивительно, если так оно и будет.

– Здорово же, что Трой и Дементра тоже станут родителями до конца этого года? –

Клэр хлопает в ладоши, но, даже морщась, я замечаю, что выражение лица Теоны вдруг резко меняется с весёлого на непроницаемое. Клэр же тем временем продолжает фонтанировать счастьем: – В один год рождённые ваши Радамант, Тиэна, Болдр, Ария Кармелиты и Брейдена, и Октавия...

– Октавия? – откуда этот звонкий женский голос? у меня за спиной кто-то стоит?

Клэр отвечает:

– Трой и Дементра считают, что у них будет дочь. Говорят, назовут Октавией. Ждём малышку в начале декабря. Так что все дети смогут вместе играть, учиться и дружить...

– Не ставь сани впереди лошадей, – теперь я замечаю, что Теона скрестила руки на груди и встала чуть поодаль...

Как же раскалывается голова! Свет от ламп жжёт глаза – зачем включены лампы, за окном ведь день?

– Теона... – Клэр обеспокоена.

– Хорошо, что Радий и Ртуть живут за пределами Рудника, – отзывается Теона.

– Вот ведь упёртая, – дерзкий голос, до сих пор бывший за моей спиной, обходит диван, так что я наконец понимаю, что в комнате также присутствует и Дикая. – Тебе стоит уже перестать так упорствовать против Дементры.

– Если бы она покушалась на твоего ребёнка, ты бы так не считала.

– Я, может, и поехавшая, но не настолько, чтобы обзаводиться потомством.

Вмешивается Клэр:

– Мы же уже выяснили, что она не желала зла Теоне...

– Мы выяснили только, что виной её горькой судьбы является её жуткая связь с Плагиной. Тот же факт, что на пути Теи в Рудник Ртуть навредила моему ребёнку физически

– *отрезанные волосы клинком!* – угрожала её жизни и, скорее всего, думала причинить ей гораздо больший вред...

– Так, всё ясно, – Три니다д обрывает подругу. – Твой бьющий ключом материнский инстинкт только недавно едва не прикончил нас всех за возвращение домой без Теи, помнишь? Но ты ведь поняла причину, по которой мы так поступили. Чего же никак не возьмём в толк ситуацию с Катохирис?

Теона раздражённо взмахивает руками и уходит в сторону барной стойки. Три니다д не сводит с её спины сосредоточенного взгляда, поэтому я не сразу понимаю, что её следующие слова обращены ко мне, занятой потираем болящих от этого сна глаз:

– Я видела Борея менее часа назад, пригласила его в чешские леса – он, естественно, сначала отказался, но узнав о пустующем доме на соседней горе, вроде как задумался... Эй... – в следующую секунду говорящая трижды щёлкает пальцами прямо перед моими глазами. – Что с тобой?

– Не понимаю, что со мной происходит, – откинувшись спиной на спинку дивана таким образом, чтобы принять максимально ровное положение, я продолжаю жмуриться и морщить носом. – Голова гудит, и глаза раздражаются...

На три секунды я закрываю глаза, чтобы отдышаться... Открыв же их, вдруг вижу Дикую совсем близко – она подошла впритык и чуть пригнулась к моему лицу. Она настолько близка ко мне, что даже во сне я пугаюсь этой близости... Её голос звучит резко:

– И часто с тобой такое?

Я цезю ответ сквозь зубы:

– Уже второй раз.

Она взглядывается своими широко распахнутыми большими глазами с серыми радужками и цветными прожилками прямо в мои, едва способные смотреть на неё в упор:

– Какие красивые очи, – хмыкает она, отчего по моей коже (я знаю, что по обеим кожным!) разбегаются мурашки и даже волоски привстают дыбом...

– Тожэ мне офтальмолог! – Диандра, то есть я, я огрызаюсь...

– А ну-ка! – разогнувшись, Дикая внезапно врезает мне такую крепкую пощёчину, что перед тем, как выпасть из сна, я успеваю услышать треск, и резко повернутыми в сторону кухни глазами увидеть ошарашенный взгляд Теоны, пьющей воду из прозрачного стакана...

Глава 16

Багтасар Райхенвальд

Ночь закончилась. Прошёл день. И наступила новая ночь.

Стоя у окна, вливающего в мой кабинет густой лунный свет, я пытаюсь припомнить свою реакцию на информацию о том, что Диандры в этом мире стало две: одна осталась со мной, но другая также жива... С *той* Диандрой у меня целая история, с *этой* Диандрой, которая, по сути своей, *та же*, у меня вся прошлая история плюс та, что началась с момента её Перерождения.

Диандра всё же смогла сбежать от меня, и одновременно я всё же сумел удержать её. Но и удержанная Авиарх рвётся прочь... Прочь от меня.

“– Я никогда не полюблю того, кто удерживает меня силой ли, хитростью ли, или же любым иным способом. Хоть испепели меня, расплавь, перероди – я себе не изменю”.

Я слишком долго понимал. Понадобилось одиннадцать лет, одна моя смерть и одно её Перерождение, чтобы я наконец смог понять: если у неё отобрать свободу, она разорвётся в клочья, но с поработителем рядом не будет. Меня же разорвёт в клочья её отсутствие в моём пространстве. Как ни раскрутить, выходит, уцелеть может только один... Я слишком люблю её, чтобы позволить ей разорваться. Значит, разорваться предстоит мне.

***

Она пришла в мой кабинет спустя двадцать минут после того, как я послал к ней Рагнхильд с призывом. Удивительно быстро... словно почувствовала должное свершиться её спасение ценой моей гибели.

– Ты звал меня? – её голос звучит холодно. Так, как будет звучать всегда при виде меня, потому что другого тона у неё для меня нет и не будет – она так решила...

Сведшая меня с ума и лишившая священного душевного покоя дива неподвижно стоит в дверях кабинета, мне же настолько больно, что я не могу позволить себе спешку. Подойдя к письменному столу, я сначала думаю опереться о него, но передумываю и в итоге, скрестив руки на груди, врезаюсь взглядом в границу её платья, едва касающегося каменного пола...

Наконец, спустя целую минуту, я нахожу в себе силы сказать то, что должен сказать ради её спасения, в честь своего поражения, равноценного гибели:

– Я отпускаю тебя, великолепная Диандра.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное, понять, что ей не послышалось... И всё же первым, что она отвечает, является вопрос:

– Что ты сказал?.. – она настолько поражена услышанным, что срывается на шёпот, словно боясь спугнуть суть моих слов.

– Я отпускаю тебя, великолепная Диандра. Отпускаю всецело: ту тебя, что смогла сбежать от меня, и ту тебя, что сейчас стоит передо мной в жажде бежать прочь. Ты свободна и можешь пройти сквозь купол. Он больше не закрыт для тебя и никогда не будет закрыт: ты можешь уйти и можешь вернуться в любой момент, – последние слова я произношу с неприкрытой надеждой, смешанной с отчаянием. – Уходи, если хочешь... – если! ха! моя самонадеянность воистину слепа... – Но знай, что я всегда буду ждать твоего возвращения. Сколько бы времени, сколько бы веков и тысячелетий ни прошло – я всегда буду ждать тебя, великолепная Диандра.

Едва выдержав, чтобы дослушать меня, она резко разворачивается и делает шаг в сторону выхода... Её нетерпение сразу же ранит моё сердце острее лезвия ножа. Больше всего на свете я желаю схватить её, упасть к её ногам, молить остаться, разозлиться и объявить, что я передумал, но... Я слишком её люблю, чтобы позволить ей погибнуть от силы моей любви. И всё же... Отпустить её сразу – выше моих сил. Я окликаю её:

– Твоя одежда... – она останавливается... я продолжаю говорить сквозь боль хрипящего горла: – В платье тебе будет неудобно... Хорошую одежду для дальнего пути ты сможешь сейчас найти в своих покоях – я приказал Рагнхильд оставить костюм на твоей постели.

То, что произошло дальше, я никак не ожидал. Резко, на металлической скорости развернувшись, великолепная Диандра оказывается прямо передо мной. Взяв меня за руки, она сжимает их до боли и будто в последний момент сдерживается, чтобы не приложиться к ним своими губами – в её влажных глазах плещутся несрывающиеся слёзы:

– Спасибо, Багтасар! Спасибо! Где бы я ни была, я не забуду твоего великодушия! Никогда не забуду!

Я не успеваю никак отреагировать, потому что в следующую секунду она на металлической скорости растворяется за порогом открытой двери...

Неосознанно я хватаюсь обеими руками за голову. Мне кажется, что то, что сейчас произошло, не имеет ничего общего с великодушием – это чистое жертвоприношение! И в жертву себя принёс я...

Она ушла... И эхо её шагов стихло... Я подошёл к окну и приник к его раме лбом в тягостном ожидании... Время замерло... Но когда я увидел её тень, отделившуюся от стен Дворца – чёрную, переодевшуюся из платья в брючный наряд, – я понял, что ей понадобилось меньше пятнадцати минут...

Я ещё долго искал глазами её тонкую тень в лесных зарослях, но она скрылась... Всё, что происходило дальше, я не сознаю. Смертельно раненный зверь во мне сошёл с ума от предсмертной агонии...

Я крушил кабинет с неистовой силой, вопя во всё горло... Я умирал... Недостаточно быстро и оттого неистово, ужасно, пронзительно... Я умирал и не думал о тех, кто это слышал... В эти минуты мою смерть слышали все, кто мог слышать... Где-то далеко в глубине Дворца, шокированные моим зверским рёвом Рея с Адэйром перестали заниматься сексом... Эспен прекратил украдкой целовать Тофу возле спящих фонтанов... Персефона замерла на

руках Проктора... Рагнхильд остановилась посреди коридора... Джодок проснулся на своей твёрдой койке... Вирсавия остановилась на подходе к двери покоев Тиберия, который, в поисках Йорун, замер в своих садах, в коих перепуганные Сольвейг с Розалией смотрели друг на друга растерянно дрожа... Йорун закрыла свои всё видящие глаза... Отталия оттолкнула Зефа... Катерина в испуге ворвалась в покои Тиары... Аурелия побежала по залам, ослеплённая воспоминаниями о Маршале, чтобы вскоре упасть на колени от осознания того, что этого не может быть – Маршала не может быть в этих стенах, а значит, вопль принадлежит не ему... Роксы ушли... Все... Навсегда... Они вывернули наши жизни наизнанку, пропустили их через мясорубку, порезали их в рваное цветное конфетти и, бросив, оставили... Оставили... Бросили... Ушли...

Глава 17

Диандра Рокс

Я не верю своему счастью... Не верю... Не верю...

Верю! Начинаю верить ещё до того, как выбегаю на пляж – на тот самый пляж, на который много лет назад меня выбросило вместе со всей моей семьёй: меня вытащил Багтасар, остальных – выбросило! Этот пляж – самая близкая граница купола к Дворцу, поэтому, конечно же, я сразу бросаюсь в его направлении – скорее, скорее, скорее!!! Я не бегу – я лечу по лесу на металлической скорости, ноги несут меня с такой силой, что я часто не чувствую земли под ногами, часто прыгаю по камням и при этом ни разу не спотыкаюсь...

Наконец – наконец! – я выбегаю на пляж! Стоит песку под моими ногами взорваться волной брызг, достигших даже высоты моего подбородка, как я замираю: купол прямо передо мной! С kloкочущим сердцем я протягиваю обе руки вперёд: вместо того, чтобы удариться в барьер, они проходят сквозь него, словно сквозь тонкую материю! Тяжело дыша и широко улыбаясь от неистовой эйфории, я прохожу сквозь купол – я прошла! Продолжаю идти и в итоге захожу в воду – сегодня отлив... Вода тёплая, но волны немного беспокойные... Свет луны затягивает тонкое полотно полупрозрачных облаков, кажущихся бархатистыми в центре и хрустальными по краям...

Стоит мне зайти в воду по колени, как моё тяжёлое дыхание начинает отчётливо сбиваться... Я словно начинаю задыхаться... Дело не в воздействии на меня со стороны, нет... Дело внутри, то есть... Во мне самой... Сжав руки в кулаки, опущенные вдоль бёдер, я останавливаюсь, чтобы отдышаться...

Темно...

Вода недостаточно тёплая, но это не страшно – регуляция тела быстро выстраивает комфортную температуру... И всё же... Что-то не так... Необходимо подышать... Просто успокоиться... Что такое? Я просто слишком долго шла к этому... Целых одиннадцать лет! Или же... Или же всего несколько дней? Мне ведь и месяца от роду нет, так ведь? Или не так?..

Я сглатываю нервный ком...

Так...

...Так...

Так...

Кажется... Это похоже на медленный приход осознания. Да, точно... Мне некуда идти. А! А... Мне некуда идти!

...Нет, только не истерика... Спокойствие... Спокойно, Диандра, спокойно... Думай... Что ты знаешь?.. Что знаешь?.. Ну же!

Борей и Кайя ушли. Я, то есть оригинальная версия меня, существовавшая задолго до этой меня, сейчас стоящей по колено в океане, тоже ушла. Та Диандра и я Диандра – разные существа. Да, разные. Та пришла в мир задолго до меня, я пришла в эту жизнь – как бы это ни звучало, но так оно и есть – всего несколько суток назад и только благодаря болезненной страсти Райхенвальда. Так, это понятно, уяснила. Что дальше?..

Мне некуда идти – вот моя реальность. Правда в том, что меня никто не ждёт, никто не любит, кроме... Нет... Нет-нет-нет... И всё же... Борей и Кайе я не нужна, а о том, могу ли я быть нужной себе-оригиналу – страшно даже думать. В последнем сне я, то есть Диандра-оригинал, то есть всё же я, сказала, что не понимает, что с ней происходит... Она не знает о моём существовании, не может объяснить вспышки слияний наших разумов... Что будет, если я просто возьму и заявлюсь к ней? Может быть, нельзя так сразу? Может, лучше через кого-то... Но где вообще кого-то искать? Мир большой... Европа!.. Точно, пришедшие Металлы ведь были европейцами!.. В последнем сне Дикая упомянула территорию чешских лесов... Я

делаю шаг вперёд... Ещё один... Вода уже достигает моих бёдер... А вдруг я решу – то есть оригинал меня решит, – что моё существование – недоразумение или же ужасная ошибка, а значит, недоразумение-ошибку необходимо исправить?.. Я-она могу-может так решить? Я останавливаюсь... Я могу захотеть себя убить? Себя убить?.. Хм... Я никому не нужна... Одна я есть у Борея и Кайи, второй им не нужно... Меня не ждут, не любят, не знают... Получается... Получается... Правда в том, что... Я не нужна.

Мой растерянный взгляд падает в беспокойную гладь чёрных вод под моими ногами, бёдра ещё чуть-чуть и погрузятся... Костюм – штаны с ремнём, подобие футболки, обувь и даже перчатки без пальцев – не промокают, значит, Багтасар хорошо позаботился... Разум пронзает молниеносная мысль: может, утопиться? Внезапная, так и не проявившаяся на лице ухмылка: Томирис бы не оценила... Почему я вдруг вспомнила о ней? Всякий раз вспоминаю, когда приходят суицидальные мысли. Всё из-за того эпизода с револьвером, случившегося после смерти Маршала...

Внезапное, острое эхо, похожее на приглушённый зверский крик-рык, заставляет меня резко обернуться через правое плечо. Что это было?.. Кто-то кричал? Я могла бы подумать, что это может быть Борей в форме Маршала, но этого не может быть... Купол за моей спиной приглушил звук, так что эхо наверняка было сильнее... Может, просто показалось?..

Томирис не оценила бы такого исхода для любой из версий меня. Я о самоубийстве, не о следующей мысли... Дурацкой, ужасной, комичной, зверской мысли: “Может быть, не уходить?”

Стоит этой мысли прозвучать в моей голове, как я захватываю пальцами воду и сжимаю в злости кулаки. Я злюсь на себя... Но скоро понимаю: не злюсь, а лишь хочу злиться, разыгрываю эмоцию злости, а сама внутренне едва не плачу... Необходимо успокоиться и прислушаться к себе... Ну же... Что я слышу?..

И снова... Мне некуда идти... Я никому не нужна... Вот всё, что у меня есть. И ещё: быть может – ну может же быть – постулат “я никому не нужна” неверен?.. Я прислушиваюсь к своим чувствам ещё внимательнее и, спустя пять минут оцепенения, внезапно поражаюсь тому, что обнаруживаю в себе желание... Попробовать... Я боюсь себе в этом признаться, однако правда в том, что... Мне некуда идти, но, наверное, я *не совсем* никому не нужна... Может быть, точнее будет сказать, что моя внезапно раздвоившаяся жизнь может быть полезной если не мне, тогда кому-то, кто нуждается в ней?.. Я не о Багтасаре, конечно. Конечно нет... Скорее, о тех, кого могу спасти от него... Во Дворце много жизней – и металлических, и смертных... Что с ними сделает мой уход? Изуродует или даже прервёт их существование?.. Наверняка... А Багтасар, он... Правда в глаза: он тоже... Не нуждается, нет... Но... Что-то вроде... Вроде я могу ему помочь... Ну то есть... Подготовить его... Рвать на живую резким уходом может быть опасным – не для меня: для Персефоны, Реи, Аурелии, Тофы, всех-всех слуг и тех, кто за куполом... А если... Ну если я останусь на чуть-чуть, чтобы получше всех подготовить? Чтобы, когда я решу уйти, позади меня не раздавались мученические вопли раненых зверей – чтобы меня провожали с доброй грустью в глазах, не с чувством смертоносной боли? Что, если я могу всё сделать лучше? Раз мне некуда идти... Я могу выбрать и лучшее направление, и лучшее время... Багтасар ведь сказал, что купол навсегда открыт передо мной... Соберись! Он может передумать! Да, может, но... Но я могу найти в библиотеке старые европейские карты, составить маршрут, определить примерную площадь чешских лесов... Параллельно всем сообщить о своём решении уйти и всех подготовить, со всеми попрощаться...

Я не верю в это, но похоже... Да... Я действительно... Да. Я решаю остаться. Но не потому что нужна кому-то – это не жертвование в чью-то честь или пользу. Потому что... Потому что... Ай, да похрен! Правда: потому что я свободна выбирать + я нужна здесь хотя бы кому-то! Буду ли я копать в библиотеке в поисках карт каких-то фантомных чешских лесов?! Едва ли!.. Может быть!.. Не знаю!..

Я выхожу из воды... Я выхожу...

Из Дворца за купол я бежала сломя голову. Назад шагаю так медленно, что едва ли это можно назвать шагом – тащусь не быстрее новорождённой черепахи. И нужно же было мне переродиться! Очевидно, нужно было... Действительно нужно... Иначе зачем ещё?..

Глава 18

Не прошло и часа с того момента, как я впервые этой ночью пришла на порог кабинета Райхенвальда, и вот я снова здесь. Дверь такая же распахнутая, какой я её оставила, только за ней всё не так, как было... Ещё в коридоре завидев погром – перевернутый стол, сломанные стулья, пол устлан разлетевшимися белоснежными листами бумаги, – я перешла с обычного шага на крадущийся... Шаг через порог я сделала осознанно остановив сердцебиение. Райхенвальд – как я и рассчитывала, идя сюда, – всё ещё был здесь. Только я думала застать его за столом, а в итоге застала почти под ним: он сидел на полу, упиравшись спиной в опрокинутую поверхность стола, одна нога вытянута, вторая согнута, коленом удерживает повисшую руку...

Наши взгляды встретились.

Его взгляд выражает нечто большее, чем удивление – он словно призрака увидел, – мой же взгляд наверняка выдал мой испуг: комната, ещё полчаса назад поражавшая своей роскошью, ныне настолько плачевно разбита, что аж сердце щемит от такой расточительности – нынешние мастера такую мебель едва ли выдeldывают!

Бегая взглядом по беспощадному хаосу, мысленно я прокручиваю слова, услышанные здесь в иной обстановке совсем недавно: *“Но знай, что я всегда буду ждать твоего возвращения. Сколько бы времени, сколько бы веков и тысячелетий ни прошло – я всегда буду ждать тебя, великолепная Диандра”*. Наконец взяв себя в руки, я произношу с деланной иронией, видимо, пытаюсь вывезти предстоящий разговор на юморе:

– Всё ещё ждёшь? Или рановато вернулась? – я улыбаюсь, но улыбка кривая, что, впрочем, как раз сошло бы для иронии, однако в конце концов сводится к моим плотно поджатым губам.

– Ты... Не ушла? – его голос выдаёт откровенный шок, быть может даже неверие.

Факт его оголётной шокированности поражает меня настолько, что я нервно сглатываю, прежде чем сказать:

– Ушла... И... Вернулась.

– Ещё уйдёшь? – теперь его голос спешит.

– Может быть... Позже, – у меня перехватывает дыхание оттого, что эти слова принадлежат мне, у него же перехватывает дыхание от одного лишь моего вида. В этот момент мы оба понимаем: я остаюсь не потому, что меня держат, а потому, что меня не держат. Это так много... Больше, чем когда-либо...

– Я буду *в своих* покоех, – не знаю, зачем я это говорю, но когда произношу словосочетание “в своих”, у меня снова перехватывает дыхание, на сей раз от осознания того, что что-то в этом мире я точно могу назвать *своим*. – Не будем больше друг друга беспокоить, – подытоживаю откровенной ложью я, после чего искренне добавляю: – *Доброй ночи*.

Я разворачиваюсь под тяжким весом его ошарашенного взгляда и, не оборачиваясь, ухожу... *В свои* покои.

***

Что я делаю? Я не знаю. Нужно бы объяснить Райхенвальду завтра, что всё не так, как он может думать или надеяться, что всё, конечно же, совсем иначе, но сейчас у меня такая каша в голове, что лучшее, что я могу сделать – это привести свои мысли в порядок, быть может даже при помощи холодного душа, потому как сон мне в ближайшее время, очевидно, не светит.

На лестнице между третьим и вторым этажом я вздрагиваю, сначала уловив лёгкий шорох, а затем и тонкую тень. Обернувшись через левое плечо, я замечаю Рею – она сидит на окне и в лунном свете, от цвета своих волос и предпочтений в макияже, выглядит синеватой.

Её голос звучит спокойно, однако в его вибрации я улавливаю ноты тщательно скрываемого удивления:

– Ты ведь так хотела уйти...

– Как и ты, – мой голос звучит так же, как моё нутро – уверенно.

– Всё равно не понимаю...

– Я хотела уйти и ушла, вместе с Бореем, Кайей и Кейарой. Та, что стоит перед тобой, я другая: Диандра, которой идти некуда, не с кем и не к кому.

Сказав так, я разворачиваюсь, чтобы продолжить спуск по лестнице, но моя собеседница вдруг окликает меня – уверенно, без примесей сомнительных нот:

– Эй... – она настроена серьёзно, так что я оборачиваюсь. Наши взгляды встречаются. Кажется, мои глаза выражают усталость, смешанную с печалью, а её – уверенность, смешанную с оттенком странной радости, который и придаёт её следующим словам особенное звучание: – Я рада, что ты осталась. Твоё присутствие в Триедином Королевстве многим может помочь... – она словно не договаривает фразу: “Как помогло Катерине и Тиаре”. Что ж, надеюсь, она права. В конце концов, только из этой надежды я и осталась...

– Спасибо... – я также не договариваю определённые слова. Полная фраза в моей голове прозвучала так: “Спасибо, что сказала это”.

В конце концов мы одариваем друг друга едва уловимыми кивками, и я, наконец, продолжаю *свой* путь в *свои* покои.

***

Платье, сброшенное с моего тела перед уходом, серо-белым пятном лежит перед кроватью – ровно там, где я его оставила, думая, что больше никогда его не увижу. Закрыв дверь за своей спиной и прислонившись к ней, я несколько секунд смотрю на это пятно со смешанными чувствами, после чего начинаю обходить комнату по кругу... Всё на своих местах, всё знакомо, всё *моё*: два кресла, стулья, стол и столик, зеркало, бархатный балдахин, тяжёлые шторы – я по всему провожу своими пальцами, словно изучаю давно знакомые предметы с новой, до сих пор остававшейся неизвестной мне стороны. Это всё мне известно... Каждая складка, каждый штрих... Всё ожидало меня, пока я бегала... Всё было клеткой, а теперь, когда я могу всё это бросить одним махом, стало *по-настоящему* моим... Что-то, что принадлежит мне...

Вернувшись к кровати, я уверенно сажусь на неё и в следующую секунду поднимаю из-под ног брошенное платье. Продолжая сидеть, я сжимаю дорогую ткань в своих замёрзших пальцах... Закрываю глаза и, наконец, произвожу тяжёлый выдох сквозь зубы. Анализ завершился. Осознание таково: отпустив меня этой ночью, Багтасар Райхенвальд поставил мне шах. Пугает ли это меня? Безусловно. Но шах – не мат. Партия не проиграна. Это лишь шах... Первый. Первый всегда предвестник – за первым обязательно – обязательно! – последуют и другие... Но... Я тоже умею играть. И я тоже умею шаховать. Главное... Не доиграться до пага.

Глава 19

Времени до моего первого *по-настоящему свободного* рассвета в Триедином Королевстве хватило, чтобы привести в порядок все свои миры – и внешний, и внутренний. Я больше не самообманываюсь в выборе партии: в библиотеку за поисками европейских карт я не пойду – я пойду гораздо дальше и безо всяких карт. Если я действительно рубеж, сдерживающий Багтасара и всё его воинство от погони за первичной-мной, что ж, Борей, Кайя и Я могут жить спокойно хоть в чешских лесах, хоть в шведских тундрах – я об этом позабочусь. И о себе я тоже позабочусь. Мне здесь нечего и некого бояться. Если на то пошло – пусть уж Вампирески боятся меня. Но, конечно, я не про страх... Я про гармонию и процветание – какой была всегда, такой и осталась. И всё же, раз уж я определилась, значит, спокойно ни во Дворце, ни во всём Триедином Королевстве не будет, пока, конечно, я сама того не захочу.

***

Тёмно-синее платье – моё любимое, идеально подходящее моим глазам, – я не надевала так давно, что даже не могу вспомнить, когда в последний раз доставала его из дальнего угла гардеробной. Как-то раз Багтасар сказал, что синий бархат мне идёт, и с тех пор я бойкотировала этот наряд. Поэтому я сейчас не просто в платье – я в красноречивой демонстрации своей уверенности! Никаких “но”, “быть может”, “наверное” – только “да” и только “нет”, только “помоему и никак иначе”! Здесь нет слабости, уязвлённости, сомнительности – исключительная уверенность в себе, готовность строить, ломать и брать. Быть может, в конечном итоге Райхенвальд прозреет и потому пожалеет о том, что оставил меня в своём королевстве, однако к тому времени я и достаточно наворочу, и успею самоустраниться... Чешские леса всё ещё в голове.

С утра пораньше я отправилась в сад. Не одной из тех походов, какими обычно ходила: не безразличной, не спешной, не апатичной, не раздражённой... Осанка ровная, шаг уверенный, никуда не спешащий. Теперь я не гуляю по чьему-то саду – я осматриваю свои владения. Разница колоссальная, если вы понимаете, о чём я...

Сначала в саду тут и там прогуливались слуги, где-то вдалеке я слышала работу Тиберия в компании Аурелии, но скоро все посторонние звуки, за исключением трелей утренних птиц, растворились. Я сразу поняла, что произошло. Угадала безошибочно: не прошло и двух минут после моего замечания переменившейся обстановки, как на тропе позади меня возникли тяжёлые шаги Райхенвальда. Быстро. Я думала, понадобится больше времени... Впрочем, он редко проявляет терпеливость, когда дело касается моей персоны.

***

Я не останавливаюсь, когда он начинает идти рядом со мной шаг в шаг. В конце концов, ему приходится заговорить первым:

– Я рад, что *ты* выбрала остаться, – он с ярко выраженным ударением произнёс слово “ты”.

– Как становятся королевами?

Мой вопрос в лоб и прямой взгляд, как я и рассчитывала, сбили его с толку. Ему понадобилось две секунды, чтобы начать отвечать:

– Кхм... Церемоний до сих пор не проводилось. По сути своей, мы единственное официальное королевство на этом континенте. Однако, как известно, Королева – жена Короля.

– Я согласна стать Королевой, но без брака с Королём, без деления с ним ложа и в принципе без всего, что собой подразумевает брачный союз.

– Что? – он окончательно дезориентирован.

– Я согласна стать твоей напарницей, Багтасар Райхенвальд. Королевой без брака.

Он, как обычно, быстро отходит от первого потрясения, так что предсказуемо идёт в наступление:

– Быть Королевой, не являясь женой Короля? – он позволяет себе почти улыбнуться. – Подобное невозможно.

Я резко останавливаюсь и теперь смотрю в его глаза ещё более уверенным, твёрдым взглядом:

– Для истинного Короля нет ничего невозможного. Я сейчас тебе докажу. Багтасар Райхенвальд, сделай меня Королевой, но не через постель. Либо так, либо никак иначе.

– Вот как?

– Да. Я так хочу. Объяви меня Королевой Триединого Королевства сейчас же – другого шанса я тебе не дам.

Его глаза вспыхивают в улыбке, которую не выдают его губы: смесь задора от брошенного вызова, гордость, интерес, адреналин и перчинка злости. Ему нравится подобное – я знаю, что делаю, – так что я не удивляюсь его следующим словам и действиям:

– Я согласен, – взяв мою руку, он подносит её к своим губам и целует её. – Диандра Рокс отныне официальная Королева Триединого Королевства.

Я выдергиваю свою ладонь из его руки и веду бровью:

– Королева-напарница, не Королева-любовница, не Королева-жена – так есть и так будет, понятно? – он даже не попытался разыграть ответ, так что я быстро продолжила: – И всё же скажи, что верно понимаешь наши взаимоотношения.

– Скажу, что надеюсь, что понимаю, что ты понимаешь, что я...

– Хорошо, – я обрываю его шараду до того, как она выведет на его откровенное непонимание, чтобы взять себе хотя бы надежду на возможность существования обратного варианта.

Уже неприкрыто улыбаясь, он продолжает идти рядом со мной и говорить:

– Всё, что тебе будет угодно, Королева Диандра.

– Итак, ты назвал меня Королевой, значит, я уже являюсь Королевой.

– Да. Осталась только формальность: объявить о твоём новом статусе всему королевству.

– Оставлю эту задачу на заботу Короля. Но я хочу, чтобы уже к закату солнца все знали о том, что у них появилась Королева.

– Всё, что пожелаешь.

– Ты уже дважды это сказал.

– Что именно?

– “Всё, что пожелаешь”. Итак, я облечена королевской властью, а значит, действительно могу себе позволить всё, что пожелаю?

– Так и есть.

В задумчивости я слегка сдвигаю брови к переносице, отчего мой тон становится ещё чуть более серьёзным:

– Думаю, Королеве положено принимать королевские решения. И развлекать себя по-королевски...

– Ты можешь делать всё, что пожелаешь, менять всё, на что упадёт твой взгляд. Только скажи, чего хочешь, и ты это получишь.

Ах, как заманчиво-то звучит! Ну-ну...

– Это не может быть что-то лёгкое и посредственное, – я цокаю языком, что придаёт моему тону азартную игривость. – Мне нужно что-то по-настоящему интересное. Что-нибудь из разряда очень-очень серьёзного. Быть может, поменять законы таким образом, чтобы перевернуть *всё* вверх дном.

Наконец в его голосе звучит понимание ситуации, что выдаёт лёгкая нота опасения в его тоне:

– Однако Королева также должна учитывать, что она не может идти против Короля.

– Конечно нет, – я отзываюсь искренностью. – Мы союз. А союзы, как известно, крепки только при условии гармоничного сотрудничества. Все мои действия будут направлены на усиление неоспоримой власти Короля; все действия Короля будут направлены на усиление неоспоримой власти Королевы. Я буду считаться с твоей властью и твоими пожеланиями так же, как ты будешь считаться с моей властью и моими пожеланиями. Договорились?

Он снова ухмыляется:

– Договорились. Чего же ты хочешь?

– Первым делом я хочу захоронить останки Церий Марен Блекмур.

Он резко останавливается, и я останавливаюсь так же резко, чтобы смотреть прямо в его глаза, в которых в этот момент вспыхивают первые искры:

– То есть первым делом ты желаешь отменить приказ Короля?

Я замечаю, как его волевые скулы характерно сжимаются, что соответствует его резко переменившемуся настроению. Отвечая, я не теряю ни грамма своей уверенности:

– Я не обещала, что со мной будет просто. Более того, ты никогда не обманывался: сам всегда прекрасно понимал, что со мной спокойствия тебе не будет. Так что же, будет исполнена *моя королевская* воля? – в ответ я получаю лишь тяжёлое дыхание Короля, внутренне явно пышущего жаром. Взмахнув одной рукой перед собой, словно веером, отгоняющим воздух в сторону собеседника, я выдаю свой главный козырь: – Ничего страшного. Не хочешь вводить законы Королевы, не нужно. Отзывай мой титул, он мне не нужен. В конце концов, в чём смысл быть Королевой, если я не могу поменять в королевстве что-то более существенное, чем цвет роз? – кустарник синих роз Диандры удачно попался мне на глаза, цветы буйным цветом за спиной разъярённого быка.

– Нет, ты уже названа Королевой, а значит, будешь ею отныне и навсегда, – он едва ли не цедит эти слова сквозь зубы. – Хочешь, так получи. На следующей неделе сделаем...

Он не успевает договорить – я с наглостью вошедшего в раж игрока обрываю его:

– Сегодня же, мой Король. Я так хочу, – чтобы не обдать его победоносной улыбкой, я продолжаю идти вперёд по тропинке и говорить, глядя себе под ноги, будто гравийный камень, отпрыгивающий от подола моего платья, меня действительно весьма занимает: – И ещё необходимо подумать о местной моде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.